

Московско-литовская война 1562–1566 гг. и введение опричнины: проблемы демографии и земельной политики

Константин Ерусалимский

**Moscow-Lithuanian War of 1562–1566 and the establishment of *oprichnina*:
problems of demography and land policy**

Konstantin Erusalimskiy (Russian State University for the Humanities, Moscow)

Демографическое измерение опричной политики в Российском государстве в историографии обыкновенно ограничивается подсчётом жертв репрессий, убытков в освоении земель и картографированием опричной территории¹. Исследователи неоднократно обращались к смежной проблеме военных потерь, плена и эмиграции в 1560-е гг., однако подсчёты и концептуальные построения в этой области носят гипотетический характер. В дискуссиях об опричнине Ливонская война и один из её «фронтов» – противостояние между Россией и Великим княжеством Литовским, а позднее Речью Посполитой, служит, как правило, фоном для интерпретации. В данной работе я попытаюсь рассмотреть события Ливонской войны и прежде всего военные катастрофы предопричных лет и их последствия – как фактор в репрессивной политике начала 1560-х гг. и в первые годы опричнины. Подобный взгляд уже неоднократно намечался в исследованиях. В частности, А.Л. Хорошкевич отмечала, что мобилизационная политика повлияла на обе воюющие стороны, но если Сигизмунду II Августу приходилось оправдываться перед литовским канцлером Миколаем Радзивиллом-Чёрным и шляхтой за свою медлительность и пассивность, обернувшуюся потерей Полоцка и Озерища, то «царь видел причины поражений и неэффективности военных усилий в “изменах” бояр, действительно не желавших воевать»².

Московские по происхождению источники не противоречат такой точке зрения, хотя крайне бедно представляют круг обвиняемых в крамоле, служебном саботаже, дезертирстве и эмиграции в первой половине 1560-х гг. Так

2017 г. К.Ю. Ерусалимский

Работа закончена при поддержке фондов Międzynarodowe centrum kultury (программа «Thesaurus Poloniae») и Alexander von Humboldt Stiftung (руководитель с германской стороны – проф. М. Ниндорф). За ценные ремарки к популярной сетевой версии ряда представленных в данной статье положений благодарю И. Гралю, О.А. Курбатова, А.Н. Лобина, В.В. Пенского, С.Ю. Шокарева.

¹Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 238–265; Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 149–217; Зимин А.А. Опричнина. М., 2001. С. 192–220; Назаров В.Д. Приложение // Там же. С. 413–431; Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2009. С. 211–220; Курукин И.В., Булычёв А.А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010. С. 55–88.

²Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 416.

называемый указ о введении опричнины, занесённый в официальную летопись под 3 января 1565 г., обличает «измены боярские и воеводские и всяких приказных людей», а в качестве одного из важнейших преступлений в переписке названо нежелание «от недругов его от крымского и от литовского и от немец... крестьянства обороняти» и то, что воеводы и служилые люди «сами от службы учали удалятися и за православных крестьян кровопролитие против безсермен и против латын и немец стояти не похотели»³. Опричнина должна была, следуя этой логике, остановить разграбление казны и заставить служилых людей исполнять свой государственный долг. Нельзя не отметить нотки паранойи в летописном тексте, который как будто вслед за Первым посланием Ивана Грозного Андрею Курбскому обвиняет правящий класс в государственной измене, грабежах и бесконтрольном стяжательстве.

Первое послание Грозного кн. Курбскому, отвечающее на его обвинения в незаконных преследованиях, казнях и тайных убийствах советников и воевод, ещё за полгода до «подъёма» царя и выезда из Москвы говорило о том же: с детских лет великого князя поучали и наставляли, не позволяя самовластно править, воеводы «повсегда» воевали из рук вон плохо, а ныне такие холопы, как Курбский, вместо «прямой и доброхотной службы» принялись ещё и «поношати и укарати»⁴. Царь обратился к «изменнику»-эмигранту, адресуя своё послание также «во все городы» или «во все его Великия России государство на крестопреступников». Обратная дорога на царскую службу для таких, как Курбский, была закрыта⁵.

Какое-то распространение послание Ивана Грозного в России, возможно на первых порах неширокое, должно было происходить, тем более что во владениях Сигизмунда II Августа его сочинения встречали в то же время публичный отпор в окружении короля, придворных и шляхты⁶. Изменники, находившиеся как за границей, так и в пределах страны, лишались, согласно эпистоле царя Ивана, не только государевой милости, но и спасения души, семьи, имущества, прошлого. Складывался своеобразный пантеон «изменников», в котором начальные страницы открывали бесноватые кн. С.Ф. Бельский и И.В. Ляцкой, продолжили их разрушительное дело «злые советники» А.Ф. Адашев и Сильвестр и такие одиночки, как «изменник старый» кн. С.В. Звяга-Ростовский, а завершали сам Курбский и расстрига Т.И. Тетерин⁷.

Неустойчивое равновесие при дворе в момент составления Первого послания царя характеризуется тем, что, к примеру, Владимир Старицкий фигурировал в замыслах «злых советников», но сам лично в послании царя в измене не обвинялся. Избирательны и ссылки на других предателей. Например, не упомянуты кн. И.Д. Губка-Шуйский, выехавший на службу Сигизмунда I Старого вскоре после Бельского и Ляцкого или одновременно с ними, В.С. Заболоцкий и другие эмигранты 1550-х гг., сыновья Василия Сарыхозина,

³ ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 392.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 16, 37.

⁵ Лурье Я.С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 221–222; Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 194–196; Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 365–382.

⁶ Janicki M.A. Tłumaczenie listu Iwana Groźnego do Zygmunta Augusta i jego rola w agitacji przed sejmem warszawskim 1563 r. // Polska kancelaria królewska czasów nowożytnych między władzą a społeczeństwem. Materiały konferencji naukowej. Kraków, 14 kwietnia 2004. Kraków, 2006. Cz. 2. S. 73–86.

⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 17, 27, 32.

бежавшие, видимо, одновременно с Тетериным. В письме нет ни слова об «измене» И.В. Большого-Шереметева и И.М. Висковатого.

Традиционно скупо свидетельствуют о росте подозрительности, репрессий и эмиграции при московском дворе в начале 1560-х гг. публичные источники — летописи, разрядные книги, родословцы и синодики. Они позволяют поднять вопрос о периодизации репрессивной политики. Ещё один ценный источник — поручные записи по придворным 1560-х — начала 1570-х гг. — отразили динамичную картину вспыхнувших в начале 1560-х гг. и стремительно нараставших запретов «отъезда» и заграничных контактов⁸. В крестоцеловальных грамотах того времени важнейшее обязательство придворного — «не отъехать» «в Литву или в Крым, или в ыные в которые государства, или в уделы, или инде где ни буди». В отношении будущих опричников кн. И.П. Охлябинина и З.И. Очина-Плещеева, возможно, при их вступлении в опричнину, использовалась санкция «ни в чернцы не постричися». Бежать от царя нельзя было никуда, служилый человек обязан служить и ждать милости или казни. Впрочем, бояре начала 1560-х гг. и земские лидеры в годы опричнины известных ныне крестоцеловальных обязательств не уходить из мира на себя не брали. После нашествия войска Девлет-Гирея на Москву в мае 1571 г. поручительства расширились санкциями, карающими «наведение» иноземных войск и тайную переписку («ссылку») с «государя с которыми ни буди»⁹.

Впрочем, московские источники (включая и «записки иностранцев»), на которых в основном строились выводы о причинах репрессивной политики царя Ивана, неполны, а в ряде вопросов тенденциозны. Источники польско-литовского происхождения, на которые, главным образом, опирается эта работа, открывают «другую войну» и иное её восприятие, молчаливо подавленное и почти не отразившееся в официальных дискурсах Российского государства, актовых источниках и записках иностранцев на русской службе. Сосредоточим внимание на записях о пожаловании шляхтичей из Литовской метрики, реестрах выплат Королевской казны, реляциях о боевых действиях и пленении московитов, переписке магнатов Великого княжества Литовского. Отдельные сведения о воинах-москвитях содержатся в актовых книгах региональных шляхетских судов. Эти источники не складываются в целостную и непротиворечивую картину, однако позволяют полнее представить масштабы постигшей Российское государство демографической катастрофы в канун и в первые годы опричнины. Попытаемся ответить и на ключевой вопрос — какова связь между введением опричнины и военными событиями 1561–1564 гг.

Начало войны за Ливонию привело к эскалации антипольских и антилитовских настроений в России. О масштабе этих событий говорят лишь часто неясные упоминания в источниках. Кажется уже вполне обоснованной гипотеза о противостоянии антикрымской и антиливонской «концепций» внешней политики в конце 1550-х гг. Падение Избранной рады было вызвано победой, в первую очередь, ксенофобии в отношении Короны и Литвы, которые всё больше ассоциировались с религиозной толерантностью, а иначе

⁸ Dewey Y.W. *Political poruka in Muscovite Rus'* // *Russian Review*. 1987. Vol. 46. № 1. P. 117–133; Rustemeyer A. *Dissens und Ehre: Majestätsverbrechen in Russland (1600–1800)*. Wiesbaden, 2006. S. 122–169.

⁹ Антонов А.В. Поручные записи 1527–1571 годов // *Русский дипломатический архив* (далее — РДА). Вып. 10. М., 2004. С. 15, 18, 22, 25, 30, 33, 38, 43, 50, 54, 56, 57, 60, 65, 69.

говоря — вероотступничеством¹⁰. Страх уступить власть сторонникам польского короля, оказаться под его властью или уступить ему спорные земли был присущ и царю, и его ближайшему окружению. Уже во время Ливонской войны польско-литовская сторона использовала подозрительность царя для дестабилизации высшего управления и пограничных администраций, рассылая письма с призывами перейти на сторону Сигизмунда II¹¹. В синодиках времён Ливонских войн XVI в. отношение к «литвинам» было выражено безапелляционными формулами «с нечестивою литвою», «в нахождение безбожного Стефана короля литовского»¹² и т.п.

С 1561—1562 гг. в российском политическом дискурсе появилось нечто новое: в официальной летописи и посольских речах встречаются прямые обвинения ближайших советников царя в государственной измене. Ещё за год до того подобной «чести» не удостоились А.Ф. Адашев и его сторонники, попавшие в опалу тайно и, согласно «Истории» кн. А.М. Курбского, осуждённые заочно на закрытом совещании. Прямые обвинения в предательстве прозвучали в адрес главы Боярской думы кн. И.Д. Бельского, кн. А.И. Воротынского, кн. В.М. Глинского. Кн. Бельскому, а возможно, кому-то ещё из высших советников царя была прислана грамота от короля Сигизмунда II Августа с приглашением перейти к нему на службу. Летопись объявила, что в январе 1562 г. боярина уличили в измене: он преступил крестное целование «и клятвенную свою грамоту» и «хотел бежати в Литву и опасную грамоту у короля взял». С князем будто бы хотели бежать дети боярские Б.П. Губин, И.Я. Измайлов и стрелецкий голова Митька Елсуфьев. О Елсуфьеве добавлено: «тот ему и дорогу на Белую выписывал». Бельский был посажен под стражу на Угрешском дворе, а его имущество временно опечатали. Елсуфьева лишили языка «за то, что князя Ивана подговаривал в Литву бежати»¹³.

Измайлова и Посникова казнили торговой казнью и сослали в Галич. Основным виновником был объявлен стрелецкий голова. Речь идёт, видимо, о бежецком вотчиннике Д.И. Поздыкове-Олсуфьеве¹⁴. Неясна связь между этими событиями и появлением Губиных и Измайловых в Короне и Литве. Измайловы, как и Олсуфьевы, добились при царе Иване немалых успехов на военном поприще. Отец Ивана Яков Никитич был сослуживцем кн. А.М. Курбского в августе 1550 г., а незадолго до следствия по делу кн. И.Д. Бельского служил на Рязани осадным головой вместе с Г.П. Денисьевым¹⁵. О. Бахтияр-Измайлов, родич Ивана Яковлевича, упомянутый на королевской службе впервые в 1569 г., занимал вплоть до последних лет правления короля Стефана Батория

---

¹⁰ Bogatyrev S. Battle for Divine Wisdom. The Rhetoric of Ivan IV's Campaign against Polotsk // The Military and Society in Russia, 1450—1917. Leiden et al., 2002. P. 325—363; *Филошкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 15—234.

¹¹ Факты ненависти к выходцам из Короны и Литвы в первые годы Ливонской войны отмечены Курбским: *Курбский А.М.* История о делах великого князя московского. М., 2015. С. 136, 138.

¹² Памятники истории русского служилого сословия (далее — ПИРСС). М., 2011. С. 191, 203.

¹³ ПСРЛ. Т. 13. С. 339—340.

¹⁴ Его сын Владимир продал деревню отца Медведево в Антоновском стане Бежецкого Верха своему дяде И.С. Олсуфьеву в 1573/74 г. К тому времени Д. Олсуфьева, т.е. Митьки Елсуфьева, уже не было, видимо, в живых. См.: Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века (далее — АСЗ). Т. 2. М., 1998. С. 293. По неясным причинам Р.Г. Скрынников называет «Митьку Елсуфьева» Н.В. Елсуфьевым (*Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 149).

¹⁵ АСЗ. Т. 1. М., 1997. С. 74—75. О Денисьевых-Булгаковых см.: *Курбский А.М.* Указ. соч. С. 762—763.

высокое положение среди московитов-эмигрантов. Если Б.П. Губин идентичен суздальскому помещику Б.О. Губину, то выходит, он пережил опричнину и в июне 1581 г. был пожалован деревнями и пустошами в Суздальском уезде¹⁶. Один из Губиных, Иван, оказался в польско-литовском плену после битвы на р. Уле 26 января 1564 г.

Царь ограничился клятвами в верности и крестоцеловальной поручной грамотой по кн. И.Д. Бельскому (20 марта 1562 г.). В Москве готовились к Литовской войне, и демонстративное устрашение Боярской думы и верхушки командования накануне истечения перемирия (25 марта 1562 г.) создавало атмосферу «чрезвычайщины», в которой преследовались любые отклонения от планов царя. Его враги находились при этом чаще среди бояр «литовского» происхождения — вся тяжесть клятвенных обязательств легла на князей Бельских, Воротыньских, Глинских, Мстиславских.

Ливонская война открыла всем сторонам конфликта обильные источники плена, который быстро эволюционировал в плен-зачленничество, меняя характер самой войны. Российскому обществу пришлось впервые за многие годы столкнуться с разоружённым и обезвреженным врагом у себя дома. Положение пленных поляков и литвинов в России было предметом забот царя и государственного аппарата. Уже в 1558 г. в Москву начали поступать пленные из Ливонии. Размещать их с 1561 г. было всё труднее: воеводы «полону привели много множество»¹⁷. Многих продавали в рабство или отдавали в собственность захватчиков, так же начали поступать с подданными короля Сигизмунда II Августа. В апреле 1562 г. царь писал королю об отправлении на окраины России посольных с целью найти захваченных татарами королевских подданных из Брацлавского воеводства. Иван IV будто бы собирался казнить виновных, но ждал от короля списка пострадавших и их убытков¹⁸. В годы войны с Литвой и Коронай пленные рассылались в тюрьмы по городам, а наиболее высокопоставленные содержались в Москве. Сохранившиеся сведения о переписке пленных с родичами и знакомыми на родине говорят о том, что царь относился к пленным как к заложникам и заботился о своём имидже милостивого государя. Образ этот разрушили дипломатические коллизии и убийства пленных конца 1560-х и 1570 гг.

Большинство эмигрантов, которых московская дипломатия считала в годы Ливонской войны наиболее опасными изменниками, бежали из Москвы вскоре после начала боевых действий между Россией и Польско-Литовским государством. Иван Грозный с 1560-х гг. уделял много внимания своим «изменникам» в окружении польско-литовских монархов, обвинял их во лжи на себя и Россию, в разжигании войны, плетении заговоров, желании подчинить Российское государство Речи Посполитой. В то же время Сигизмунд II Август, улучшив религиозно-правовую атмосферу в своём государстве, предпринимал усилия «правами» и «свободами» переманить как можно больше московитов на королевскую службу¹⁹. В 1561–1562 гг. литовская шляхта добилась

¹⁶ АСЗ. Т. 1. С. 62–63. Впрочем, Р.Г. Скрынников отождествляет Губина из дела кн. И.Д. Бельского с думным дьяком Б.Ф. Постником Губиным-Маклаковым (*Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 149).

¹⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 333.

¹⁸ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (далее — Сборник ИРИО). Т. 71. СПб., 1892. С. 61.

¹⁹ *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — нач. XVII в. М., 1978. С. 43–45.

прав и свобод, уравнивающих православных с католиками и допускающих представителей других христианских конфессий к высшим должностям Великого княжества Литовского. По соседству с Российским государством возник опасный политический конкурент, открывший привлекательные условия службы и культурной интеграции для шляхты московского происхождения.

1561 г. отмечен переходом на польско-литовскую службу кн. Д.И. Вишневецкого и пятигорских князей. Князья получили право свободно служить королю, «а кгда они усхочуть, вольно им будетъ зась с паньства нашего ехати без жадного гамованья»²⁰. Посредником в переговорах пятигорских князей с королём служил слуга Девлет-Гирея Кутуш-мурза, которому разрешили поступить на королевскую службу²¹. Переговоры, таким образом, проходили с ведома крымского хана; пятигорские князья, стремившиеся на королевскую службу, были противниками Москвы и сторонниками Крыма, а их поступление на службу к Сигизмунду II служило знаком дружбы между Девлетом и Сигизмундом. В самой же Москве под титулом кн. Черкасских закрепились кабардинские мурзы, на представительнице которых Кученей-Марии Темрюковне женился в августе 1561 г. царь Иван. Её брат Михаил Темрюкович позднее стал видным опричным лидером. В опричнину вошло ещё минимум четверо князей Черкасских²². Племянником царицы Марии был касимовский царь, будущий великий князь московский, а затем тверской Симеон Бекбулатович²³.

Уже в августе 1561 г. литовское войско во главе с воеводой троцким М.Ю. Радзивиллом Рыжим осуществило нападение на ливонский Тарваст, где стоял московский гарнизон кн. Т.А. Кропоткина. Это было первое столкновение между литовскими и московскими войсками, произошедшее ещё до истечения русско-литовского перемирия. В Москве по этому поводу велось следствие, воевод обвиняли в сговоре с литвинами, а в посольские книги в декабре 1563 г. занесли текст письма-ультиматума литовских воевод кн. Кропоткину²⁴. По некоторым данным, воеводы пошли на сговор с литовским командованием²⁵. Впрочем, по мнению М. Ференца, крепость взяли штурмом, а пленных ограбили и отпустили²⁶. Заметим, что подозрения царя Ивана в отношении боярского руководства предшествуют падению Тарваста, и, если послание Кропоткину не фальсифицировано, можно предположить, что опасения царя ещё летом 1561 г. вызвали перехваченные «листы завартые» литовского руководства к московской знати.

Приблизительно в то же время в Литве был раскрыт заговор зажиточного шляхтича державцы скидельского и мостовского Я. Викторина и его тайная

²⁰ РГАДА, ф. 389, оп. 1, № 37, л. 571; *Dziadulewicz S.* Herbarz rodzin tatarskich w Polsce. Wilno, 1929. S. 431 (указан номер листа по старой фолиации).

²¹ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 37, л. 571–571 об.

²² *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008. С. 92–95; *Martin R.E.* A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early-Modern Russia. DeKalb, Ill., 2012. P. 121–129.

²³ *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 62–63, 84–85, 110–111, 257–258.

²⁴ Сборник ИРИО. Т. 71. С. 235–236; «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. М.; Варшава, 1997. С. 241.

²⁵ *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 156–157; *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 251–254; *Янушкевич А.Н.* Ливонская война: Вильно против Москвы, 1558–1570. М., 2015. С. 54.

²⁶ *Ferenc M.* Mikołaj Radziwiłł «Rudy» (ok. 1515–1584): Działalność polityczna i wojskowa. Kraków, 2008. S. 224–225.

переписка с Иваном IV²⁷. Один из свидетелей, подстаростей слонимский Л. Здитовский, привёл на суде слух, согласно которому подозреваемый обсуждал свою службу царю с неким Михаилом Москвитиним, «который от короля его милости на лежи в него был»²⁸. Вряд ли такой разговор мог состояться с малозаметным и совсем незнатным человеком. Речь идёт о сыне боярском, и имя Михаил могло принадлежать одному из перебежчиков, например, М.И. Жохову, который как раз находился тогда в районе Слонима, а в 1563 г. был переведён в Шерешов. После казни Викторина одно из его имений в Вилкомирском повете получил московит-эмигрант Кропотка, который позднее и сам был «каран» за какое-то преступление²⁹. Возможно, Кропотка — один из князей Кропоткиных, родич тарвастского воеводы³⁰. В то же время следствие в Москве приобрело характер массовых репрессий — вёлся сыск «детей боярских родства», причастных к падению крепости, виновные в «измене» на год угодили в тюрьму, а их поместья и вотчины конфисковали и раздали другим служилым людям.

25 марта 1562 г. закончилось перемирие, и началась полномасштабная война. Её следствием и составляющей был плен. Захватывались с обеих сторон в первую очередь высокопоставленные воины, их слуги и холопы. Именно за них можно было получить выкуп. В отношении местного населения действовал принцип, много лет спустя, уже после войн за Ливонию, сформулированный Стефаном Баторием в переговорах с Иваном Грозным: «убогих людей — мужиков, жонок и робат, яко невинных, пушати»³¹. Староста остерский Ф.С. Кмита разбил небольшие московские отряды на подступах к Остеру и совершил ответные выпады против Чернигова и Путивля. Вскоре к Кмите присоединились староста гомельский К.В. Тышкевич и воевода киевский кн. К.К. Острожский³². Московские воеводы расплачивались той же монетой: 28 мая кн. А.М. Курбский напал на Витебск и пожёг посады Сурожа, а 22 июля кн. П.С. Серебряный спалил посады Мстиславля и прислал к царю в Можайск 50 пленников³³. Подданные Чечерского замка в 1565 г. жаловались королю, что уже три года не занимаются хозяйством из-за военной тревоги, а у многих из них враги «маетьность, жоны, братью, дети в полон побрали»³⁴.

В первые месяцы войны пленные и беглые москвиты распределялись в города Великого княжества Литовского. Среди них — кн. С. Белозерский-Ноздроватый, В.В. Плещеев, дети боярские московские, новгородские, псковские, рязанские. Имена приславших их ротмистров фиксировались. Причём, как правило, чем значительнее был пленник или перебежчик, тем значительнее был статус приславшего его ротмистра. Эта практика была важна для шляхтичей.

²⁷ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 256, л. 156–157 об.

²⁸ Archiwum Główny Akt Dawnych w Warszawie (далее — AGAD). Archiwum Radziwiłłów. Dz. II. № 3311. S. 7–8; РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 256, л. 156–157 об.

²⁹ Biblioteka ks. Czartoryskich w Krakowie. № 747a/1. К. 1–lv. Указано мне Й. Друнгиласом, за что выражаю коллеге благодарность.

³⁰ Некоторые князья Кропоткины, годы жизни которых могли приходиться на середину — вторую половину XVI в., в родословных книгах отмечены как бездетные. Впрочем, в родословцах никто из Кропоткиных не показан как бежавший «в Литву». См.: ПИРСС. С. 45, 158–159.

³¹ РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 14, л. 746 об.

³² *Соболев Л.В.* Князь К.-В. Острожский как лидер «русского народа» Речи Посполитой. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 95–96.

³³ ПСРЛ. Т. 13. С. 343.

³⁴ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 38, л. 538–539 (цит. л. 538 об.).

поскольку в число боевых достижений в пожалованиях неизменно входил захват пленных. В универсалах панов рад к шляхте в дни осады Полоцка добыча пленными признавалась одним из средств обогащения шляхтичей³⁵. Вопросы разведки и расселения пленными находились в ведении литовского главнокомандующего — гетмана великого М.Ю. Радзивилла³⁶.

В захвате «полона» особенно отличился полоцкий шляхтич Г. Мелешкович Оскерка, который, «мешкаючи на украине», «входечи в землю неприятеля нашего князя московского, великие шкоды чинивал, людеи значных сынов боярских по колькокроть имаючи, до гетманов наших великих и дворных Великого князства Литовского воживал и часто о справах того неприятеля нашего з земли до нас господара и до гетманов наших ведати давал»³⁷. Как видно из этого панегирика, в первые месяцы войны литовское командование нуждалось в «языках» и информации о планах московитов. Эта задача успешно решалась ротмистрами в связке со старостами приграничных крепостей и гетманами. Пленным московитам предоставлялись средства на пропитание, обычно в размере 7–20 грошей в неделю. Им, видимо, предлагали переходить на королевскую службу. Не принявшие предложения оставались пленными и пребывали под стражей. Впрочем, из числа первых пленными Ливонской войны лишь предположительно можно идентифицировать псковича Ивана Филиппова с одноименным сыном боярским, который входил в отряд «господарских московитов», схлестнувшийся с людьми Г.А. Ходкевича в селе Спасово в начале февраля 1564 г.³⁸

Статус пленными московитов виден по их содержанию. Наиболее знатных пленников ждали высокие выплаты и особые условия заключения. Так, в июне 1562 г. четверых московских пленными в Кобрине содержали на 15 грошей в неделю, в Городно — на 7 грошей. В августе в городенской тюрьме 6 детей боярских и 14 «простых» московитов получили по 7 грошей в неделю³⁹. В Тыкотин в августе 1561 г. было направлено не менее пяти московитов. В тыкотинской пуще на границе с Пруссией и Мазовией уже в сентябре 1558 г. получили земли на «хлебокормленье» дети боярские Л. Зверев, М. Зверев, Т. Цвилленев и В. Чаплинка, в апреле 1559 г. — Б.И. Шишкин. О них глухо говорится в акте Литовской Метрики за декабрь 1564 г. Награждая своего слугу за возвращение из московского плена, король обращается к старосте тыкотинскому Я. Шимковичу, чтобы он наградил его именем в лесу «в Тыкотине над рекою Нарвою на врочишу Березыне, там, где твоя милость з росказанья нашего москве подавал, ему даем»⁴⁰. Следовательно, тыкотинские московиты на декабрь 1564 г.

³⁵ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 564, л. 166–166 об., публ.: Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 564. Viešųjų reikalų knyga 7. 1553–1567. Vilnius, 1996 (далее — ЛМ, кн. 564). Р. 140.

³⁶ Ferenc M. Przyczynek do działalności wywiadu litewskiego podczas konfliktu z Rosją w drugiej połowie XVI wieku // Inter maiestatem ac libertatem: Studia z dziejów nowożytnych dedykowane Profesorowi Kazimierzowi Przybosiowi. Kraków, 2010. S. 9.

³⁷ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 50, л. 282 об.—284.

³⁸ ЛМ, кн. 564. С. 57; Центральний державний історичний архів України у м. Києві, ф. 25 (Луцький гродський суд), оп. 1, спр. 6 (далее — ЦДАК України), публ.: Жизнь Князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни: Акты, изданные Временною Комиссиею, Высочайше учрежденною при Киевском Военном, Подольском и Волынском Генерал-Губернаторе. Т. 2. Киев, 1849. С. 270.

³⁹ ЛМ, кн. 564. С. 140.

⁴⁰ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 38, л. 521 об.—522.

уже лишились своего лесного надела (Л. Зверев до того и позднее владел землями на Воляни, М. Зверев позднее — урядник В.С. Заболоцкого в Ляховичах).

Вскоре после Невельской битвы 1562 г. Сигизмунд II направил выехавших «на имя господарское» детей боярских К. Некрашова и Б. Лавринова к старосте брянскому и саражскому К. Оленскому в Сараж. Один из них, Некрашов, под именем Некрашевич вошёл в подразделение «московитов» и принял участие в боевых действиях 1563–1564 гг. С. Шарапов (Шарапович), упомянутый следующим в списке «москвы», перешедшей «на имя» короля в 1562–1563 гг., был отослан в Мельник и вскоре вошёл в ряды кременецкой шляхты. В Мельнике вместе с ним оказался и сын боярский С. Лавринов, видимо, не бывший братом Б. Лавринова, которому был определен Сураж. Сразу четверо московитов отправились в 1562 г. в Бронск. Из них по меньшей мере один, Верешака Иванов, был в числе московитов, попавших в засаду в Спасово в начале 1564 г. Два сына боярских были направлены королём «на лежу» в Ожу. Братья Сергей и Степан Кучицкие, возможно выходцы из западных регионов России, в 1562 г. были отправлены в Гродно, и в феврале 1564 г. жаловались на ущерб, нанесенный им спасовцами, а из пожалования Сергею «живности» в гродненском имении Куницы в 1566 г. ясно, что он ещё не был наделён землёй⁴¹.

В походе литовского войска под Стародуб в 1562 г. попали в плен сначала более 10 детей боярских, а затем, уже когда литвины возвращались из похода и в 6 милях от Стародуба столкнулись с московитами, был ранен воевода кн. В.В. Волк-Приимков-Ростовский⁴², а другой воевода, кн. В.И. Темкин-Ростовский, а также более 210 детей боярских и около 2500 прочих московитов оказались в плену⁴³. Темкина-Ростовского и других пленников привезли к кн. К.К. Острожскому в Киев «для розведыванья» обстановки в Москве. В письме, отправленном М.Ю. Радзивиллу 10 ноября 1562 г., воевода киевский сообщил, что узнал от Темкина-Ростовского и других пленных о намерении Ивана IV напасть на Киев той же зимой. В.И. Темкин-Ростовский оставался у Острожского ещё в январе 1563 г.⁴⁴ Не позднее весны — лета 1562 г. на сторону короля перешли многие московиты, получившие землю в окрестностях Кременецкого замка. Среди них О. Ушак (Ушakov), С. Шарапов, кн. Г.Ф. Подгорский⁴⁵. Впрочем, возможно, они выехали из России вместе с кн. Д.И. Вишневецким ещё летом 1561 г.

Уже во время Полоцкого похода Ивана IV на сторону ВКЛ перешёл С. Кутузов: 19 января 1563 г. он сообщил полочанам о численности московского войска⁴⁶. Это не спасло крепость. Воевода полоцкий С.С. Довойно капитулировал 15 февраля 1563 г.⁴⁷ Захватив город, Иван IV велел расправиться с местными неправославными. Многие литвины отказались принять московское

⁴¹ ГМ, кн. 564. Р. 37, 37–38; Жизнь Князя Андрея Михайловича Курбского... Т. 2. С. 268–272; РГАДА, ф. 389, ои. 1, кн. 47, л. 94 об.–95 об.

⁴² Сведения о его смерти в этой битве неверны. Ср.: *Соболев Л.В.* Указ. соч. С. 96.

⁴³ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 4. Вильна, 1867. С. 7–8.

⁴⁴ *Соболев Л.В.* Указ. соч. С. 96–97.

⁴⁵ *Собчук В.* Від коріння до крони: Дослідження з історії князівських і шляхетських родів Волині XV — першої половини XVII ст. Кременець, 2014. С. 375–386.

⁴⁶ *Grala H.* Zródła do dziejów stosunków polsko-moskiewskich w XVI w. (Nowe znaleziska w Archiwum Warszawskim Radziwiłłów) // *Miscellanea Historico-Archivistica*. Т. 7. 1997. S. 148–149.

⁴⁷ *Даўгяла З.* Polocіае тоеніа: Гістарычна-тапаграфічны нарыс полацкіх умацаванняў // *Arche*. 2009. 7(82). С. 683.

подданство и в разное время бежали в Литву. Сигизмунд II Август велел поставить для бывших полочан новый замок — Дисну⁴⁸. Нашествие московитов вызвало панику и в соседнем с Полоцким Браславским повете, откуда многие шляхтичи, «оторвавшись, до сумежных, а меновите до Ошменьского и до Волькомирского поветов причинились»⁴⁹.

Сдавшихся 9 февраля 1563 г. 11 160 полочан раздали в собственность царёвым людям, высокопоставленных пленников 22 февраля отвезли в Москву, ещё часть — в Великие Луки и Новгород⁵⁰. Архиепископа полоцкого и витебского Арсения (Г.И. Корсака) отправили в Спасо-Каменный монастырь. Его родичи шляхтичи Корсаки находились в московском Кремле, возможно на дворе кн. М.И. Воротынского (его слуга влюбился в Любку Корсак, переехал на королевскую службу, женился на ней, а в 1567 г. его посадили в Москве на кол по обвинению в шпионаже)⁵¹. В плену оказались воевода полоцкий С.С. Довойно, воеводич виленский Я.Я. Глебович, высокопоставленные господарские дворяне Гарабурды. М. Стрыйковский называет также шляхтичей Есманов и Немировичей⁵². Согласно М. Стрыйковскому, отпущены были четыре польских ротмистра вместе с их ротами. По данным московских посольских книг, около 700 польских шляхтичей, принявших участие в обороне Полоцка, были возвращены королю. На литвинов царская милость не распространялась. В Короне и Литве этот поступок царя был воспринят как нарушение обещаний: царь дал слово «выпустить добровольне» всех пленных, а на деле освободил «только драбов польского народу»⁵³. Коронные подданные других сословий испытали тяготы неволи вместе с другими жителями и защитниками Полоцка⁵⁴. Часть полочан оказалась под надзором в кремлевских палатах боярина И.П. Фёдорова. Среди них — те же Довойно, Глебович, господарский писарь Л.Б. Гарабурда и его семья. В канун приезда в Москву литовских послов, 26 апреля 1566 г., знатных пленников перевели в тюрьму без права посещения. Лишь во время одной из аудиенций посольству Ю.А. Ходкевича было разрешено встретиться с тремя важнейшими пленниками «наперед у боярина у Ивана Петровича у Федорова с товарищи», а потом «в Набережной полате».

Обмен Гарабурды на кн. В. Темкина-Ростовского или на других детей боярских с доплатой так и не состоялся, и Лукаш Гарабурда вернулся на родину лишь в 1569 г.⁵⁵, а его семья оставалась в Москве. 10 августа он выступил на Люблинском сейме перед шляхтой в «посольской избе» с яркой речью.

⁴⁸ РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 56, л. 78 об.—85; д. 62, л. 46—51 об.

⁴⁹ Там же, д. 286, л. 70 об.—71 об. и сл., 78—81.

⁵⁰ *Straszewicz M.* Testament Anny z Korsaków Rahoziny z 1563 roku. Przyczynek do dziejów jeńców połockich // *Przegląd historyczny*. T. 96. 2005. Zesz. 3. S. 450—451; *Дзярновіч А.* Источники XV—начала XVIII в. о бедствиях гражданского населения во время войн: между фактами, политическими инвективами и стилистическими клише // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai: Faktas. Kontekstas. Interpretacija*. Vilnius, 2007. P. 348—349.

⁵¹ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 38, л. 596 об.—597 об.; кн. 50, л. 237—237 об.; *Bielski M.* Kronika Polska. Sanok, 1856. S. 1165; *Paprocki B.* Herby gycerstwa polskiego. Kraków, 1858. S. 844.

⁵² *Strzykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi / wyd. przez M. Malmowskiego oraz rozprawą o latopiscach ruskich przez Daniłowicza, pomnożone przedrukiem dzieł pomniejszych Strzykowskiego według pierwotnych wydań. T. 2. Warszawa, 1846. S. 413—414.

⁵³ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 45, л. 76 об.

⁵⁴ *Mienicki R.* Egzualanci Połoccy (1563—1580 r.): (Karta z dziejów ziemi połockiej) // *Ateneum Wileńskie*. 1933—1934. R. 9. S. 50.

⁵⁵ *Радаман А.* Арганізацыя і склад полацкага земскага суда ў другой палове XVI — першай трэці XVII ст. // *Герольд Litherland*. 2011. № 18. С. 27—28.

в которой сравнил королевских разбогатевших москвитов-«изменников» с беззащитными и забытыми пленными соотечественниками. Вскоре после возвращения из плена умер племянник Лукаша Александр, завещавший дядям свои захваченные москвитами полоцкие имения⁵⁶. С.С. Довойно был обменян на кн. В. Темкина-Ростовского с доплатой в 10 тыс. злотых⁵⁷. 23 июля 1567 г. последний и другие пленные москвиты вернулись на родину. Вернувшись в Великое княжество Литовское полоцкий воевода вступил в безуспешную судебную борьбу за такую же сумму против жены витебского воеводы С.П. Кишки, Г.Я. Радзивилл, родной сестры его умершей в неволе жены Петронелы. Затем ему пришлось продать своё имение в Городенском повете⁵⁸.

Ценным источником по истории полоцкого плена служат воспоминания Я.Я. Глебовича, вошедшие в гербовник Б. Папроцкого. Глебович был помещён под домашний арест, ему удавалось даже вести тайную переписку с литовской радой. Вскоре он был уличён, вызван к царю, и Иван на его глазах отчитал своих бояр, ставя им в пример верность пленника своему господарю. Впрочем, Глебович получил свободу не так, как он рассказывал геральдисту пятнадцать лет спустя. Царь завербовал его и принял его клятву на Библии, пригласив на церемонию митрополита⁵⁹. Возвращение воеводича виленского на родину было обставлено как обмен — за него были выданы в Москву пленники Ульской битвы — З. Плещеев и кн. И. Охлябинин. Кроме того, Глебович вёз с собой грамоту, в которой предлагалось поменять шляхтича М. Ежовского на Ф. Лопату-Баскакова, Ф. Кублицкого на Я. Болтина, а за жену и детей Кублицкого назначалась выплата в 300 угорских злотых⁶⁰. Многие годы в Москве считали Глебовича верным слугой царя, и, хотя он покаялся в содеянном перед Сигизмундом II Августом, подозрение в государственной измене вновь стало предметом расследования после смерти Сигизмунда II.

Имена многих шляхтичей, попавших в московский плен, уже известны⁶¹. Ряд имён с отдельными подробностями жизни в плену и после плена можно восстановить по актам Литовской Метрики. Вернувшиеся из плена получали от короля щедрые пожалования в компенсацию выкупа, за ущерб здоровью и благосостоянию. Как правило, имения и «юргельты» предоставлялись шляхтичам пожизненно или до возвращения полоцких имений. Нобилитация детей пленных происходила своим чередом, а жёны и родители получали поддержку из казны временными имениями, натуральными и денежными выплатами⁶². Примерами для подражания могли служить видные полоцкие шляхтичи

⁵⁶ *Mienicki R.* Op. cit. S. 100–101; Тастаненты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст.: (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі). Мінск, 2012. С. 379–381.

⁵⁷ По словам кн. А.М. Курбского, ливонский дворянин В. Таубе добивался обмена своего сына И. Таубе на Темкина, но король Сигизмунд II не согласился. См.: *Попов В.Е., Филлюшкин А.И.* Бегство князя А.М. Курбского: документ из Рижского архива // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 2(8). С. 120–121.

⁵⁸ *Mienicki R.* Op. cit. S. 45; РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 267, л. 154 об.—163 об.; кн. 268, л. 329 об.—330, 330; см. также: кн. 261, л. 41 об.—42; кн. 58, л. 154 об.—157, то же: кн. 63, л. 111 об.—114 об., цит. кн. 58, л. 155. См. также: кн. 48, л. 364 об.—371 об.

⁵⁹ *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения... С. 33–34. Обстоятельства вербовки Я.Я. Глебовича см.: РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 12, л. 291; кн. 14, л. 342 об.

⁶⁰ *Филлюшкин А.И.* Изобретая... С. 726–727.

⁶¹ *Mienicki R.* Op. cit. S. 49–50.

⁶² РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 47, л. 110 об.—111; кн. 48, л. 336–337 об. (то же: кн. 50, л. 339–340); кн. 49, л. 21–21 об. (то же: кн. 50, л. 248 об.—249 об.); кн. 50, л. 87–87 об., 313–313 об., 374 об.—375; кн. 54, л. 3–4 об. (ср. акт: кн. 48, л. 415 об.—416); кн. 63, л. 120–121, 130–131, 217 об.—218 об.; кн. 77,

Корсаки. Прославился ротмистр Г. Корсак-Голубицкий, вместе со своей ротой «через час немалый» сдерживавший неприятеля и убитый пушечным ядром. Его жена и дети выкупились из плена и получили от короля обширные владения в Великом княжестве Литовском, а другие родичи, вернувшись из плена, были щедро награждены и уже к концу 1560-х гг. заняли почётные полоцкие уряды⁶³.

Королевские подданные из других приграничных регионов также получали компенсацию за «полон». Выкупившиеся дисненские мещане, например, били челом о праве на беспошлинную торговлю и были освобождены от «мытов» на три года. Витебские мещане Паньковичи, вернувшись из плена, отсудили назад имение предков. Тем же, у кого не было средств на выкуп, было суждено многие годы томиться в тюрьмах⁶⁴.

Юридический статус литовских имений полоцких пленников был шатким, и предотвратить имущественные споры некоторые из них старались в Москве. П.И. Дубицкий и А.И. Гостомский говорили, что в Москве они давали показания перед чрезвычайной судебной комиссией, составленной из пленников. Показания шляхтичей и постановления («листы») комиссии затем, после возвращения обоих шляхтичей на родину, были утверждены и записаны в книги поветовых судов и в господарские канцелярские книги⁶⁵. Тестамент пленницы А.В. Рагозы служит наглядным примером того, как шляхтичи отдавали распоряжения, невзирая на своё тюремное заключение. По мнению М. Страшевича, завещание составлено не ранее марта и не позднее августа 1563 г. при участии московского приказного служащего и с расчётом на отправление в Великое княжество Литовское. Со всем основанием А.В. Рагоза полагала, что её последняя воля будет признана законным распоряжением⁶⁶.

После освобождения из плена неизбежно возникали правовые коллизии. Одна из них была обозначена в ходе упомянутой судебной дуэли С.С. Довойно с Г.Я. Радзивилл, занявшей владения своей умершей сестры, жены Довойно. Витебская воеводина указывала на бесправие пленника и на положение Литовского Статута, согласно которому «невольницы властью именьями своими шафовати не могут», в итоге была оправдана и освобождена от обвинений⁶⁷.

Король оказал поддержку и семьям полоцких пленников, сняв в привилегии 13 августа 1563 г. примерно с трети полоцких шляхтичей налоговое бремя и наделив их временными феодами в Могилевской, Мозырской, Рогачевской, Свислочьской и Сумилишской волостях, а также в Витебском повете и Троцком

л. 125 об.—126, 335—335 об.; кн. 255, л. 484 об.—485; кн. 255, л. 501 об.—502; кн. 268, л. 199—199 об.; кн. 287, л. 45 об.—46 об.

⁶³ *Mienicki R.* Op. cit. S. 49, 60—61, 88, 91, 94—95, 99—100; *Радаман А.* Указ. соч. С. 27—28, 30—34. О Б. Корсаке см. также: Сборник ИРИО. Т. 71. С. 46 и сл.; РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 38, л. 541 об.—543 об., 618 об.—619, 630 об.—632 об.; кн. 77, л. 381—383 об., 403—403 об., 541—542, 547—551 об., 551 об.—557; кн. 267, л. 269 об.—271, 310 об.—311, 312—312 об.; кн. 48, л. 392—394; кн. 284, л. 62 об.—64.

⁶⁴ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 63, л. 167—170; кн. 56, л. 69—71; кн. 262, л. 66—66 об. (второй фолианти).

⁶⁵ Там же, кн. 268, л. 114—116, 129—130. П. Дубицкий называет в составе комиссии С.С. Довойно, Я.Б. Быстрейского, Л. Гарабурду, М. Шита. Шире список шляхтичей, рассматривавших 28 марта 1563 г. дело А. Гостомского. После тех же четверых названы Г.Г., Е.Я., К.С., М.Ф. и Д.В. Корсаки, И. Кмита и Я. Селявы, Б. и А.М. Ревуты, В. Миткович и «все рышерство», пленённое в Полоцке. Дело П.И. Дубицкого рассматривалось в Оршанском и Клецком судах и затем на господарском, дело А.И. Гостомского — на господарском.

⁶⁶ *Straszewicz M.* Op. cit. S. 454—455.

⁶⁷ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 267, л. 161—163 об., цит. с л. 162 об.

тиунстве. Виленский вальный сейм 1563 г. утвердил «вызволенье от воины» жёнам, «которих мужове в поимани и в руках неприятельских ест с Полоцка»⁶⁸. При этом, согласно воинским артикулам 1563 г., жёны пленных шляхтичей получали «листы господарские от воины вызволенные» и до возвращения мужей не несли с их земель воинской повинности⁶⁹. Вошла в обычай практика передачи землевладельческих прав пленными их близким родственникам на условии, что они будут «о высвобоженю тух приятелей своих з рук неприятельских старатися». Полоцким боярам разрешалось вступать во владение пленными «до воли и ласки господарьское и до того часу», пока пленный не вернётся на своё имяне⁷⁰.

Социальная память Речи Посполитой отбирала для хранения и трансляции современникам и потомкам наиболее трагичные сюжеты полоцкого плена. В Литовской Метрике плен определяется не иначе, как «окрутный», т.е. жестокий, безжалостный, невыносимый. Из латинской версии записок А. Шлихтинга известно, что пленники в Москве страдали от принудительных работ. Полоцкий шляхтич Р.С. Невельский провёл в плену восемь лет и «великие небезъпечности на себе поносил, а потом и муку терпел и немалую образу на теле и на здоровю своем принял»⁷¹.

У царя Ивана IV и его окружения до 1566 г. теплилась надежда, что полоцкая шляхта договорится с ним и послужит укреплению царской власти в Полоцком повете. Первые массовые раздачи захваченных земель начались не ранее сентября 1566 г., т.е. уже после посольства Ю. Ходкевича в Москву⁷². Шляхтичи вели переписку со своими родными и знакомыми на родине, сообщали о событиях в Москве и, среди прочего, могли рассказать о введении опричнины, которая вызывала симпатию своими аналогиями с «экзекуцией» королевских имений и сеймовой борьбой за шляхетскую демократию⁷³. Впрочем, никаких следов смирения перед новой полоцкой властью пленные в массе не проявили.

На фоне военных успехов царя Ивана переход его «холопов» на королевскую службу почти незаметен. В 1563 г. паны-рада направили с эмиссаром Я. Гудянским в Шерешов пятерых детей боярских, видимо, выехавших в том году – Т. Андреева, Ф. Андреева, И. Третьякова, С. Иванова, и М. Жохова.

⁶⁸ *Mienicki R.* Op. cit. S. 85–86; РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 527, л. 103 об.

⁶⁹ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 45, л. 24. Лукомльские имения пленённого царём кн. Б.А. Лукомского были разорены в ходе боевых действий (*Mienicki R.* Op. cit. S. 85). Его жена З. Служчанка имела пустошь и «оселую» землю в волости Лидской (РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 38, л. 571–571 об.). О том, что другой князь Лукомский, Сергей, был надолго задержан в московском плену, сообщал в латинской версии своих записок А. Шлихтинг.

⁷⁰ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 49, л. 34 об.–35; кн. 38, л. 437 об.–438.

⁷¹ *Дубровский И.В.* Латинские рукописи сочинений Альберта Шлихтинга // Русский сборник: Исследования по истории России. Вып. 18. М., 2015. С. 91; РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 56, л. 17 об., 48 об.–49, 49 об.; кн. 58, л. 9 об., 10 об., 11.

⁷² Это следует из самой ранней датировки в Писцовой книге Литовской Метрики № 573–7075 г. Уточняем датировку, предложенную коллегой: *Ермак В.Ю.* Полоцкая писцовая книга 1567–1572 гг. – книга Литовской метрики № 573 // Иван Грозный – завоеватель Полоцка (новые документы по истории Ливонской войны). СПб., 2014. С. 25, ср.: там же. С. 422 (л. 388).

⁷³ *Иолосин И.И.* Споры об «опричнине» на польских сеймах XVI века (1569–1582) // Вопросы истории. 1945. № 5–6. С. 142–153; *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Bern; Frankfurt a/M, 1972. S. 32–45; *Kąkolewski I.* Melancholia władzy: Problem tyranii w europejskiej kulturze politycznej XVI stulecia. Warszawa, 2007. S. 252–285.

С. Иванов был затем переведён в Волковыйск. В следующем году, вероятно, он же (С.И. Нащокин) пострадал в столкновении в Спасово и вскоре, как и М. Жохов, был награждён небольшой суммой на Варшавском сейме⁷⁴. Все московиты получили содержание с имений и доходов короля в Великом княжестве Литовском. Первым перебежчикам Лавринову и Некрашову было назначено содержание на каждый квартал – рожь, солод, крупы, горох, свинина, соль и 1 копа грошей Великого княжества Литовского⁷⁵.

В январе и июле 1564 г. московские войска во главе с кн. П.С. Серебряным, а затем В.А. Бутурлиным вторглись в мстиславские земли – «людей побивали и языки имали и в полон многих людей и з живота поимали», «взяли воинских людей шляхтыч и з жонами и з детми, и чорных людей всяких 4787 душ»⁷⁶.

Битва на р. Уле 26 января 1564 г. обернулась разгромом московского войска под командованием кн. П.И. Шуйского и спешным отступлением полков кн. В.С. и П.С. Серебряных⁷⁷. Успех операции был предрешён информированностью литвинов. Р.Г. Скрынников предположил, что манёвр московитов был раскрыт кн. А.М. Курбским, после чего он сам вынужден был бежать в Литву. Эта точка зрения не находит подтверждения в источниках⁷⁸. Уже М. Стрыйковский в поэме «Битва под Улой» отмечал, что на Радзивилла работали шпионы в Московском государстве, а при нём самом состоял некий поп, который бывал в Полоцке и хитростью получал ценные сведения. От информаторов Радзивилл узнал о продвижении кн. Шуйского с 30-тысячным войском на крепость Улу.

Немецкое издание послания М.Ю. Радзивилла королю свидетельствует, что литовское командование было информировано о выходе войска Шуйского из Полоцка 23 января и плане объединиться с полками кн. Серебряного для совместного похода на Вильну⁷⁹. Шпионы сообщили и место, и время появления московского войска. Литовскому командованию оставалось лишь умело воспользоваться слабостями противника. Помог также «язык», приведённый из московского сторожевого полка ротмистрами Г. Бакой и Б. Корсаком, отправленными навстречу врагу Г.А. Ходкевичем. Московитов сбил с толку также шляхтич Цапля (Czapla), сообщивший им, что московская сторожа столкнулась с главными силами литвинов⁸⁰.

Версия о раскрытии замыслов московитов «шпионами» была принята польско-литовскими хронистами. Она подкрепляется похвалой в адрес героев в актах Литовской Метрики. Не называя имён, «Лист о новинах писанный» говорит о литовских «сторожах», которые столкнулись «з сторожою московскою» и принесли гетманам весть о приближении московского войска⁸¹.

⁷⁴ LM, кн. 564. С. 37, 37–38; Жизнь Князя Андрея Михайловича Курбского... Т. 2. С. 268–272; AGAD. Archiwum Skarbu Koronnego (далее – ASK). Dz. II. Rach. Sejm. № 22. К. 36, 37–37v, 38.

⁷⁵ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 44, л. 55–55 об., публ.: Метрыка Вялкага княства Літоўскага: Кніга 44: Кніга запісаў 44 (1559–1566). Мінск, 2001. С. 66 (29 августа 1562 г.).

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 377; *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 403–404; *Мяцельскі А.А.* Мсціслаўскае княства і вывадства ў XII–XVIII стст. Мінск, 2010. С. 175.

⁷⁷ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 65, л. 114.

⁷⁸ *Ерусалимский К.Ю.* 30 апреля 1564 года // Между Москвой, Варшавой и Киевом. К 50-летию проф. М.В. Дмитриева. М., 2008. С. 125–193; см. также материалы допросов Курбского после побега: *Филошкин А.И.* Изобретая... С. 718–723.

⁷⁹ *Wojtkowiak Z.* Odnaleziony tekst Macieja Strykowskiego o bitwie z Moskwą 1564 roku i inne rewelacje w zbiorach rosyjskich i nie tylko. Poznań, 2010. S. 79–80.

⁸⁰ *Ibid.* С. 57–59; *Дзярновіч О.* Поэма Матея Стрыйковского «Битва под Улой» (1564 г.): образный ряд и событийная конкретика // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2010. № 2(8). С. 133.

⁸¹ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 45, л. 60.

Были и воины, получившие особые награды за шпионскую информацию. Герой диверсий против российских окраин полоцкий ротмистр Г.М. Оскерка тайно информировал Г.А. Ходкевича и М.Ю. Радзивилла о передвижении царского войска, и упредительный удар разрушил планы противника. Награждён был также шпион Фёдор Белавицкий — он получил село Балавичи в волости Борисовского замка с правом наследования по мужской линии за то, что тайно передавал сведения из московского войска⁸². Уже после битвы на Уле о приближении 60-тысячного московского войска к Орше сообщал Г.А. Ходкевичу из Дубровны Ф.С. Кмита⁸³.

Последствия Ульской битвы были для Москвы тяжёлыми. Анонимный регистратор пленных и убитых москвитов сослался на перебежчиков из России, которые говорили, что под Улой московских воинов погибло больше, чем в Оршанской битве 1514 г.⁸⁴ Согласно этому реестру, составленному в окружении гетмана великого М.Ю. Радзивилла-Рыжего, русские потеряли 16 тыс. человек, много раненых укрылось в Полоцке. Стрыйковский и Бельский увеличили эту цифру, говоря о 20 тыс. убитых во время битвы и «в разных местах», в том числе от «хлопства». Позднее близкую цифру — 18 тыс. человек — называл Л. Гурницкий. Папский нунций Дж.-Ф. Коммендоне привёл гораздо менее внушительные, хотя и противоречивые данные — в распоряжении Шуйского было около 8 тыс. человек, погибло москвитов около 9–10 тыс.⁸⁵ В письме герцогу Альбрехту Бранденбургскому от 1 февраля О.Б. Волович сообщает, что погибло около 10 тыс. человек противника и несколько тысяч предметов амуниции было захвачено на возах. Московские воины были застигнуты врасплох⁸⁶.

Возглавлявший рать воевода большого полка полоцкий воевода князь П. Шуйский был убит. По версии, принятой в Москве и отразившейся в Пискаревском летописце, сбитый с коня князь забрёл в «литовскую деревню», где «мужики, его ограбя, и в воду посадили». Смерть настигла воеводу в селе Иванковичи. Слух о его утоплении в колодце передал Т. Бреденбах. В польских хрониках появляется рассказ о смерти воеводы от секиры простого селянина, которого князь попросил довести его до Полоцка. Это, по всей видимости, сконструированный образ событий, призванный вытеснить из памяти факт превышения полномочий литовскими шляхтичами, сожалевшими, что не смогли взять князя в плен.

Возможно, достоверным является факт казни «хлопа», на котором нашли золотую цепь Шуйского. «Лист о новинах писанный» говорит об обстоятельствах задержания слуги Шуйского и проясняет, как именно было обнаружено тело воеводы. Его «подскарбий» искал в реке тело своего господина и так был

⁸² РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 50, л. 283; кн. 77, л. 50–51.

⁸³ Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (далее — GStA PKB). XX. HA. HBA. Kasten 427. B2a. № 258. F. 6.

⁸⁴ ОР РНБ, ф. 971, оп. 2, авт. 152, № 16, л. 40 карандашной фолиации (л. 42 чернильной фолиации). Благодарю Г. Лесмайтиса, обратившего моё внимание на данный реестр, введённый в научный оборот Р. Рагаускене.

⁸⁵ ОР РНБ, ф. 971, оп. 2, авт. 152, № 16, л. 39а (л. 41); *Wojtkowiak Z.* Op. cit. S. 61–63, 80–83; *Bielski M.* Op. cit. S. 1153; *Strykowski M.* Op. cit. T. 2. S. 414–415; *Górnicki Ł.* Dzieje w Koronie Polskiej Warszawa, 2003. S. 160–161; *Pamiętniki o dawnej Polsce z czasów Zygmunta Augusta obejmujące listy Jana Franciszka Commendonni do Karola Boromeusza.* T. 1. Wilno, 1847. S. 45–50.

⁸⁶ GStA PKB. XX. HA. HBA. Kasten 395. B2. № 1909. F. 1–1v. К письму приложен особый список плененных московских воевод. См. также: HHStA Wien. StAbt. AB VIII/7/4. Ost- und Südosteuropa. Rußland I. Karton 1. Konv. C. F. 78–85v.

пойман литвинами⁸⁷. Более вероятной кажется версия Пискаревского летописца и «Листа», искаженная Бреденбахом: тело Шуйского было найдено в реке благодаря его слуге. По-видимому, пойманный литвинами слуга Шуйского – Вислой Булгаков. Он был отпущен и приехал вновь в Литву вместе со С.С. Довойно, чтобы договориться с панами-радой об обмене тела Петронелы Радзивилл на тело кн. Шуйского (обмен так и не состоялся)⁸⁸.

В первый же момент битвы, когда Ходкевич и Радзивилл тайно подошли к противнику, было убито несколько десятков москвитов «и вязнеи кольконадцать поимано». Пленены были, по М. Стрыйковскому, «воеводы, князья и первые бояре» (под «боярами» подразумеваются также дети боярские). Согласно реестру Дубровского, среди убитых и пленных москвитов были представители высшей знати, первые дворяне великого князя. Убиты или пленены были полковые воеводы и головы: князья С.Д. и Ф.Д. Палецкие, Ф. и Н. Чулковы, удививший противников своим ростом И.Ф. Быков, князья Ф. и С. Гундоровы, Д., С. и В. Колычевы, А. Чихачёв. Помимо «ротмистров» в числе убитых названы также «первейшие дворяне» царя («naczelniejszy dworzanie Kniazia Wielkiego Moskiewskiego») Д. и И. Заборовские, И. Коробов-Суздалец, В. и И. Молвяниновы⁸⁹. Польско-литовские источники сообщали об участии в битве, бегстве и гибели от ран в Полоцке Шереметева⁹⁰.

Из других источников известно, что были пленены третий воевода большого полка З.И. Очин-Плещеев (по реляции гетманов, воевода первого передового полка), второй воевода передового полка князь И.П. Залуца-Охлябинин (по литовской реляции, воевода шестого полка или старший воевода полка правой руки)⁹¹. Поимка З. Плещеева была отнесена на счёт шляхтича А. Голуба⁹².

В плен попали дети боярские: новгородец И. Норовитый (Норова-тый) и «дворане князя великого» В. Истомирин, А.В. Федьцов, Б. Кутузов,

---

⁸⁷ *Bielski M.* Op. cit. S. 1151–1152; РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 45, л. 62; ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 190. По материалам российских источников написана работа: *Солодкин Я.Г.* Князь П.И. Шуйский – герой и неудачник Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV – XVI в. М., 2010. С. 269–274; *Янушкевич А.Н.* Указ. соч. С. 93; *Wojtkowiak Z.* Op. cit. S. 62; *Дзярнович О.* Указ. соч. С. 133–134. С этим согласуется предположение Р. Рагаускене о том, что Шуйский был убит шляхтичем К. Швейковским. См.: *Ragauskiene R.* 1564 m. Ulos Kautynės: įvykio tikimybės // *Istorijos akiračiai: straipsnių rinkinys.* Vilnius, 2004. P. 174; *Wojtkowiak Z.* Op. cit. S. 64–65.

⁸⁸ Сохранилась кольчуга кн. П.И. Шуйского (Государственная Оружейная палата, ОР-19). Её медная запона гласит: «Князя Петровъ Ивановича Шускгова». Диграф «кг» в фамильном прозвище полководца свидетельствует о возникновении запоны в Польско-Литовском государстве. Возможно, эта кольчуга была снята с Шуйского 26 января 1564 г. См. также: *Игина Ю.Ф.* Мемогія Лжедмитрия I как способ легитимации и манифестации его власти // *Одиссей: человек в истории.* М., 2012. С. 318; *Grala H.* Raport Bułgakowa o sytuacji w Rzeczypospolitej // *Mówią Wieki.* 1996. № 11–12 (450–451). S. 40–44; Сборник ИРИО. Т. 71. С. 599–602, 625.

⁸⁹ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 45, л. 60; *Wojtkowiak Z.* Op. cit. S. 62–63; ОР РНБ, ф. 971, оп. 2, авт. 152, № 16, л. 39а (41)–40 (42).

⁹⁰ Во время бегства он потерял палаш и колчан, которые были доставлены Сигизмунду II в Варшаву. Речь, по всей видимости, шла о вещах воеводы сторожевого полка И.В. Меньшого-Шереметева. См.: *Янушкевич А.Н.* Указ. соч. С. 85.

⁹¹ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 45, л. 59 об.–62; ОР РНБ, ф. 971, оп. 2, авт. 152, № 16, л. 39а (41); Письмо гетмана литовского Радивила о победе при Уле // *ЧОИДР.* 1847. Кн. 3, отд.3. С. 1–18, здесь с. 2–3.

⁹² РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 38, л. 539–540, 546–547 об., цит. на л. 539 об. С разночтениями и указанием имён гетманов (М.Ю. Радзивилла и Г.А. Ходкевича) та же похвала см.: там же, д.58, л. 114–116, то же: д.63, л. 92–94 об. См. о З.И. Плещееве: «и гетмана надъворного воиска московского» (цит. по: там же, д.58, л. 114).

А.В. Муха-Чихачёв, И.А. Арцыбашев, Д. Кашкаров, К.Ф. Филипович, Василий Алексеевич, Бошман Якушкин, С.И. Дементьев, стрелецкий голова («тысечник») Семён Фёдорович, С.Ф. Хохолин. Реестр Дубровского называет ещё Я. Плихина, И. Погожего, И. Губина⁹³. Вместе с детьми боярскими в руках поляков и литвинов оказалось несколько десятков их слуг «кром иных вязней, которых много по войску», в том числе «очень много» знатных и черни. Папский нунций Дж.-Ф. Коммендоне перечислил пленных: особый любимец Ивана IV З. Плещеев, князь Палецкий, Война (Воин) Ржевский и некоторые дворяне великого князя⁹⁴.

Поражение на р. Уле послужило основой для особого поминания в Московском государстве. В синодике Софийского Новгородского собора после казанских и выборгских записей значились имена погибших «во взятие града Полоцка». На самом деле подразумевались погибшие год спустя на Уле: кн. П.И. Шуйский (в битве «с нечестивою литвою в селе в Ыванковичах»), кн. С.Д. и Ф.Д. Палецкие, Н.И. Чулков, Д.В. и Ф.В. Невежины, И. Быков «и их дружине»⁹⁵. Поражение прикрито победой, из сотен имён погибших отобрано всего несколько человек. Родового поминания это, конечно, не отменяло. К примеру, имя кн. П.И. Шуйского встречается в помяннике кн. А.И. Шуйского с пометой «убит в Литве»⁹⁶. В целом Ульская трагедия была окутана в Московском государстве своеобразной конвенцией молчания. В польско-литовских и римских источниках, наоборот, эта битва представлена как блестящая победа и воспета в эпосе, поэзии и хрониках. Шляхтичам вносили в акты о королевских пожалованиях похвалу за подвиги. М. Стрыйковский, проезжая в 1573 г. мимо Чашницких полей, по его словам, видел «большой стог московских костей»⁹⁷.

В пылу сражения жертвами шляхтичей и казаков, возможно, стали не только враги, но и королевские воины. В битве на стороне литвинов принимали участие около пятидесяти москвитов. Согласно сообщению Дж.-Ф. Коммендоне, по ошибке «также пали от меча из-за плохой видимости в ночной тьме некоторые из наших москвитов, которые в прошлом году под командованием Пропосина к нам перебежали, — причина в том, что они сражались в московском одеянии. Было их 50 конников»⁹⁸. Возможно, под именем «Пропосин» выступает в послании нунция кто-то из братьев Сарыхозиных — Умар или Агиш. Цифра 50 подтверждается многочисленными источниками, свидетельствующими о том, что в королевских войсках москвиты и позднее, во время Ливонской войны, как правило, были организованы в особую роту около 50 человек под командованием авторитетного ротмистра.

Об этом событии никаких иных сведений нет. Однако нам известно о происшествии, случившемся через десять дней после Ульской битвы. 9 февраля подстаростий луцкий А.И. Русин занёс в гродские книги своего уряда жалобу Б. Жука, служившего урядником у Г.А. Ходкевича. По его словам, 5 февраля боярин княгини Б. Острожской Б. Шашко Конюский, его сын Василий и «многие люди» напали на село Спасово, убили одного из тамошних

⁹³ Янушкевич А.Н. Указ. соч. С. 94–95.

⁹⁴ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 45, л. 61; ОР РНБ, ф. 971, оп. 2, авт. 152, № 16, л. 40(42); *Pamiętniki o dawnej Polsce...* Т. 1. S. 45–50; *Wojtkowiak Z.* Op. cit. S. 82.

⁹⁵ ПИРСС. С. 191 (л. 10 об.).

⁹⁶ *Steindorff L.* Memoria in Altrußland: Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge. Stuttgart, 1994. S. 231. Anm. 440. S. 235.

⁹⁷ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 266, л. 247 об.; *Strykowski M.* Op. cit. Т. 2. S. 455.

⁹⁸ *Pamiętniki o dawnej Polsce...* Т. 1. S. 45–50; *Wojtkowiak Z.* Op. cit. S. 82, 87.

жителей и нескольких ранили, забрали вещи убитого «и починили много других шкод»⁹⁹. Видимо, Шашковичи (или Шашкевичи) – волынские клиенты кн. К.-В. Острожского¹⁰⁰. Согласно показаниям В.Б. Шашковича, подъезжая к Спасову, «еще здалека перед селом» москвитов встретили вооружённые местные жители. Затем в схватке многих москвитов ранили, двоих тяжело, у них были захвачены оружие, одежда и имущество. Шашкович немедленно подал жалобу уряднику Ходкевича, но тот её не принял и сам подавать жалоб не собирался. Это и заставило ротмистра обратиться в Луцкий суд¹⁰¹.

Москвиты и пятигорцы, попавшие в плен или перешедшие на сторону короля к весне 1564 г., получили из королевской казны вознаграждение, данные о котором сохранились в счетах Варшавского сейма. Счета открываются выплатами за победу над москвитами. В Петркове после сейма награждения продолжились¹⁰². Данные Королевской казны содержат сведения о 47 москвитов, поступивших на службу и награждённых в марте–апреле 1564 г. (см. табл.).

Среди имён Варшавского реестра встречаются фамильные прозвища служилых людей, которые могут быть отождествлены по московским источникам. «Лутовины» – это, по всей видимости, Лутовинины. Захарий Васильевич Вепрев – потомок кн. Фёдора Святославича Вяземского и Дорогобужского, сын Василя Борисовича Вепря. Никифор Семёнович Нелидов – родич однофамильцев из Галичского уезда. Гаврило Перфильевич Лодыгин – сын боярский из рода Кобылиных, потомок Григория Семёновича Лодыги-Жеребцова. Его родича С.Г. Лодыгина в октябре 1572 г. опричник В.Г. Грязной «выдавил» из имения в новгородской Шелонской пятине в опричный Козельск. Петру Васильевичу Остафьеву (Астафьеву) предстояла в новом отечестве долгая и насыщенная бурными событиями жизнь в качестве волынского шляхтича, однако точно установить его родство не удаётся. В синодиках Московского государства нередко встречается эта фамилия, и нельзя исключать, что новгородцы «Елена Остафьева да дети ее Фома да Игнатий», невинно казнённые в 1570 г. и внесённые в синодик опальных, – ближние родичи воинов-эмигрантов¹⁰³.

Кто такой Семён Иванович Нашёкин (Нашокин)? В середине XVI в. источники упоминают четырёх Нашокиных, служивших при дворе по Белоозеру, Вязме и Новгороду. По предположению С.Б. Веселовского и А.А. Зимины, перебежчиком был новгородский сын боярский Мотякин-Нашёкин. Пять или шесть его возможных родичей попали в синодик опальных – казнены, согласно Веселовскому, в новгородский погром 1570 г., а по Зимину – в связи с побегом Семёна Нашёкина в Литву¹⁰⁴.

⁹⁹ ЦДІАК України, ф. 25, оп. 1, спр. 6, арк. 15–16 зв.

¹⁰⁰ Ульяновський В. Князь Василь-Константин Острозький: історичний портрет у галереї предків та нащадків. Київ, 2012. С. 423.

¹⁰¹ Жизнь Князя Андрея Михайловича Курбского... Т. 2. С. 271–272. Е.Л. Немировский говорит о «буйном нраве» жителей Спасово, однако это, на наш взгляд, преувеличение, вызванное тем, что исследователь стремится показать преемственность между их нападением на москвитов в 1564 г. и конфликтами с жителями соседнего села Кунино, принадлежавшего Дерманскому монастырю в 1575 г. Ср.: *Немировский Е.Л.* Начало книгопечатания на Украине. Иван Фёдоров. М., 1974. С. 93–94.

¹⁰² AGAD. ASK. Dz. II. № 22. К. 35–38, 68v–70v; *Konopczyński W.* Chronologia sejmów polskich 1493–1793. Kraków, 1948. S. 14.

¹⁰³ ПИРСС. С. 109, 123, 172, 194, 223; АСЗ. Т. 1. С. 100; Т. 2. С. 274–275; Т. 3. М., 2002. С. 375, 376, 506; Т. 4. М., 2008. С. 88; *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 472.

¹⁰⁴ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 314–315; *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 533, 535, 539, 543; *Зимин А.А.* Опричнина. С. 83, 316. Прим. 150.

**Награды, полученные в марте–апреле 1564 г. москвитями,
поступившими на службу к польскому королю**

Имена	Форма выплат		
	За выезд (злотые)	л – лундыш, и – итальянское сукно, д – дамаская ткань (локти)	Путевые (злотые)
Лутовин В.А.	18	15л	–
Лутовин О.А.	10	10л	–
Вепрев З.В.	10	10л	–
Нелидов Н.С.	18	15л	–
Лодыгин Г.П.	10	10л	–
Остафьев П.В.	22	10л	3
Игнат Лаврентьевич	18	10л	4
Булат Иванович	8	5л	–
Моневский Т.О.	18	15л	–
Колычев Б.Н.	28	5л + 5и	12
Александр Бесчастный	8	5л	–
Кодрицкий И.	6	5л	–
Сединцович С.	10	5л	–
Нащекин С.И.	14	10л	–
Вельяминов А.И.	14	10л	–
Ушаков С.В.	4	–	–
Бибиков И.Н.	4	–	–
Муратов П.Е.	4	–	–
Воейков Н.Г.	4	–	–
Шилин Т.Ф.	4	–	–
Василий Остафьев	2	5л	–
Григорий Петров	2	5л	–
Фёдор Саковков	2	5л	–
Григорий Семёнов	2	5л	–
Михайло Жохов	2	–	–
Семён (черкас)	4	5л	–
Иван (черкас)	4	5л	–
Лаврентий (черкас)	4	5л	–
кн. Григорий Подгорский	15	5и	4
Булгаков Н.Д.	10	5л	2
Самарин Семёнович	10	5л	2
Фёдор Павлович	10	5л	2
Олизар Иванович	10	5л	2
Третьяк Иванович	10	5л	2
Фёдор Иванович	10	5л	2
Василий Савельевич	10	5л	4
Остафий Ихватович	10	5л + 5и	4
Степан Исакович	10	5л	4
Солтан Ушакович	10	5л	2
Макарий Григорьевич	10	5л	2
Григорий Ахматович	10	5л	4
Петро Ушакович	10	5л	3
Иван Иевлевич	6	5л	3
Иван Мамкевич	10	5л	3
Фёдор Степанович	10	5л	3
Лев Зверь	10	5л	3
В.С. Заболоцкий	157	15д	–

Богдан Колычев – родовитый придворный, упоминаемый в московской официальной летописи перебежчик Богдан Никитич Хлызнев-Колычев, сообщивший полочанам о наступлении царя на рубеже 1562–1563 гг. Он был принят при королевском дворе с почётом и награждён из казны весной 1563 г., а осенью получил на «хлебокормленье» небольшой, но стабильный доход с Каменецкого замка¹⁰⁵.

Ещё один родовитый бенефициант короля – Андрей Иванович Вельяминов, потомок Дмитрия Дмитриевича Зерна. Родичи Ивана Никифоровича Бибикова держали владения в Тверском уезде и в Новгородской земле. Пётр Ефимьевич Муратов – вероятно, из рода рязанских детей боярских. В знатном роду Невгаса Григорьевича Воейкова известен опричник Матвей Семёнович Воейков – в этом качестве он выступает в источниках не ранее 1566 г.¹⁰⁶ Если Иван Иевлевич происходил из рода Иевлевых, то перед нами представитель детей боярских, чьи владения обнаруживаются в XVI в. в Тульском и Можайском уездах¹⁰⁷. Никифор Дмитриевич Булгаков – возможно, сын казнённого в опричнину рязанского сына боярского Дмитрия (возможно – Фёдоровича) Денисьева-Булгакова, чьё имя в конце правления царя Ивана внесено в синодик опальных¹⁰⁸. Василий и Михаил Жоховы – родословные дети боярские, выведившие своего предка, Родиона Нестеровича, из Литвы. Некоторые представители рода к моменту введения опричнины владели поместьями в Новгородской земле. Младшим сыном Андрея Невежина Жохова был Василий, о котором в родословцах говорится: «казнил ево царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси»¹⁰⁹. Казни В.А. Невежина и Д. Булгакова могут быть связаны с королевской службой их родичей.

Нет данных о том, с кем в родстве был А. Бесчастный. В родословцах встречается только один человек с таким прозвищем – кн. Пётр Безчасный Дмитриевич Ростовский¹¹⁰. Однако возможный сын Александра Мокей Бесчастный-Немиринский – хорошо известный источникам кременецкий шляхтич, и с княжеским титулом он никогда не писался. Остаётся лишь догадываться, кто такой Тимофей Фёдорович Шилин – может быть, представитель рязанского рода Шиловских или детей боярских Шиловых¹¹¹. Литвинами, вероятно, были Иосиф Кодрицкий, Семашко Сединцович. Трудно что-то

¹⁰⁵ Очевидно, речь идёт о сыне Никиты Борисовича Хлызнева-Колычева. Помет о его побеге в родословцах нет: ПИРСС. С. 110 (л. 190 об.); ПСРЛ. Т. 13. С. 350; AGAD. ASK. Dz. I. № 192. К. 6, бв; РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 38, л. 439–440; кн. 39, л. 597–597 об.

¹⁰⁶ ПИРСС. С. 79–80; АСЗ. Т. 2. С. 264; Т. 4. С. 36; Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов. СПб., 2001. С. 95; Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века // РД. Вып. 8. М., 2002. С. 45, 77; Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 31; Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 222, 472.

¹⁰⁷ Антонов А.В. Частные архивы... С. 141–142. Возможность принадлежности Иевлевича к роду Иевлевых весьма велика, учитывая, что в польско-литовской практике форманты *-ski* (*-ский*) и *-wicz* (*-вич*) нередко использовались в фамильных прозвищах шляхты восточнорусского происхождения.

¹⁰⁸ ПИРСС. С. 223. См. также: Курбский А.М. Указ. соч. С. 762–763. Примеч. 100 об.–2.

¹⁰⁹ ПИРСС. С. 103–104. Дети Фёдора Невежина в родословцах не показаны, но в родословной книге кн. М.А. Оболенского для их имён оставлено место. Какой-то Данила Жохов вместе с Семейкой Болдыревым составлял рязанские отписные книги 1579/80 г. См.: Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией императорской Академии наук. Т. 3. СПб., 1848. С. 98–99 (№ 114).

¹¹⁰ ПИРСС. С. 42.

¹¹¹ АСЗ. Т. 4. С. 361–383.

определенное сказать об Игнате Лаврентьевиче и Булате Ивановиче. Лишь с именными прозвищами выступают в списке черкасы Семён, Иван и Лаврентий. Черкасский князь — Григорий Подгорский и ещё один в списке, вероятно, нетитулованный татарин или черкес Григорий Ахматович.

Наши сведения об этих москвитях позволяют нам ответить на ряд дискуссионных вопросов, возникающих в связи с реестром сеймовых пожалований, прежде всего, когда они выехали в Польско-Литовское государство. Это не выплаты за единовременный выезд. Колычев и Булгаков, к примеру, выехали уже к началу 1563 г. Ещё раньше на службу Сигизмунда II перебрались Вепрев, Зверев, Цвилленев. Заболоцкий служил в Короне, Литве и Венгрии с середины 1550-х гг., хотя только в мае 1563 г. был приглашён королём из Трансильвании на Московскую войну. Трудно сказать, воевал ли он уже в Венгрии вместе с кем-то из москвитов, получивших жалование весной 1564 г., однако такой возможности исключать нельзя. Поскольку он упомянут в одном ряду с ними, но с явным превосходством в размере пожалования, можно предположить, что именно он и был ротмистром. Рота москвитов состояла, как ясно из приведённых имён, не только из русских, но и из представителей других народов, вероятно поступивших на московскую службу и после пленения или побега перешедших на службу к королю. В пользу данного предположения укажем, что ряд награждённых в 1564 г. получил от короля земли незадолго до выплат в одном месте — Кременецком старостве (З.В. Пятый Вепрев, Л. Зверев, П.В. Остафьев, кн. Г.Ф. Подгорский, О.О. Ушак, возможно — А. Бесчастный). Вблизи Кременца получали имения и другие эмигранты — москвиты и пятигорцы. Среди них — в Вороновцах Д.Д. Водопьян, в Осниках братья Б.И., В.И. и И.И. Бунаковы, А. Чухнов, а также О. Бахтияр Измайлов, который появляется в числе брацлавских и винницких шляхтичей, принёсших присягу Короне Польской в 1569 г., а затем в 1579 г. с тремя конниками в венгерской гвардии Стефана Батория и в одном ряду с В.С. Заболоцким и Аг.В. Сарыхозиным¹¹².

Прежде чем обобщить сведения о пленных и погибших на Уле и эмигрантах, награждённых в 1563 и 1564 гг. на коронных сеймах и наделённых землями в Великом княжестве Литовском, остановимся на событиях, нагнетающих мобилизационные настроения в России.

После битвы на Уле произошли драматичные, многократно и в подробностях описанные современниками убийства князей М.П. Репнина, Ю.И. Кашина и, вероятно, Д.Ф. Овчинина-Телепнёва-Оболенского¹¹³. Нет единства между исследователями в отношении причин опалы, наложенной в 1564 г. на Шереметевых¹¹⁴. Смерть Никиты Васильевича и опала его брата Ивана Большого может быть в прямой связи с участием Ивана Меньшого в губительной военной кампании. Крестоцеловальная запись по И.В. Большому-Шереметеву от 8 марта 1564 г. связывала круговой порукой значительный круг элиты и впервые в таком масштабе фокусировала подозрительный взгляд царя на нетитулованной боярской знати. В целом в 1564 г. приостановилась раздача традиционных

¹¹² *Собчук В.* Указ. соч. С. 375–386.

¹¹³ *Курбский А.М.* Указ. соч. С. 663–664. Примеч. 81–4.

¹¹⁴ Показательна с этой точки зрения дискуссия о причинах опалы и казни Н.В. Шереметева. А.А. Зимин связывал её с поражением войска на р. Уле в январе 1564 г. В ответе на критику исследователей отмечал, что Шереметев понёс наказание как смоленский воевода, т.е. по косвенной вине (*Зимин А.А.* *Опричнина.* С. 79–80). Р.Г. Скрынников оспаривал эту концепцию и считал, что поскольку Н. Шереметев в Ульской битве участия не принимал, выводы Зимина ни на чём не основаны (*Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 176).

высших чинов — бояр и окольных, из Думы выбыли девять бояр и двое или трое окольных; тогда же в её составе значительное место заняли новые выдвиженцы царя — думные дворяне¹¹⁵.

30 апреля 1564 г. на сторону Сигизмунда II Августа перешёл юрьевский наместник кн. А.М. Курбский во главе 12 спутников. По нашему предположению, князь подготовил письма в Москву и в Псково-Печерский монастырь накануне побега, хотя ещё один экземпляр своего Первого послания Ивану Грозному он отправил уже из Вольмара или с территории Великого княжества Литовского. Послание, как и переписка с Вассианом Муромцевым, получило хождение в России вскоре после побега Курбского. Сходные настроения, возможно, с опорой на письмо Курбского или его изложение в ответном письме Ивана Грозного, выразил в своих посланиях «Жалоба» и «Плач» другой заточник Московского царства — подозреваемый в шпионаже Исая Каменецкий. Примерно в одно время с Курбским в Великом княжестве Литовском нашли убежище Т.И. Тетерин и четверо братьев Сарыхозиных. В том же году, когда на смену Курбскому в Юрьев приехал на наместничество М.Я. Морозов, будущие соседи по упитским именам в Литве князь Андрей Курбский, Тимофей Тетерин и Умар Сарыхозин обращались к нему с письмом (только от лица Тетерина и Сарыхозина), с призывом последовать их примеру. Около того же времени, возможно во время работы над печатными «Апостолом» и «Часословцем» (до 29 октября 1565 г.), попали под обвинение в ереси и, очевидно, государственной измене печатники Иван Фёдоров и Пётр Мстиславец. Им пришлось покинуть страну. Всех названных книжников объединяют цитатные совпадения в их сочинениях, свидетельствующие о единстве интеллектуального круга. Послания Курбского и Тетерина-Сарыхозина были первыми случаями открытой агитации в пользу эмиграции со стороны московских перебежчиков. И они имели последствия, о которых можно судить по масштабам литературной работы, проделанной Иваном IV и его окружением с целью ответить «изменникам». Опричный террор был ещё одним «ответом» на измены воевод и служилых людей.

Битвой на Уле череда неудач и потерь для Российского царства не была исчерпана. Осада крепости Озерище воеводой Юрием Токмаковым закончилась 22 июня 1564 г. ударом двухтысячного отряда витебских наёмников, шляхтичей и казаков, отправленного на помощь крепости витебским старостой Станиславом Миколаевичем Пацем. Исход битвы был плачевным для москвитов — согласно М. Стрыйковскому, 5 тыс. человек погибло, «других разгромили, связали и взяли артиллерию с обозом и многочисленными трофеями»¹¹⁶. Впрочем, 6 ноября того же года Токмакову удалось захватить Озерище.

В том же 1564 г. в Винницу были направлены слуги господарские — дети боярские из России. Далеко не всем удалось прижиться в Брацлавском повете. В числе винницких и брацлавских шляхтичей, принесших присягу Короне Польской в Брацлавском замке в 1569 г., были москвиты. Одни из них упомянуты как женатые на местных вдовах, другим приходилось искать счастья в других поветах. И. Дьяков, к примеру, что-то не поделил с местной шляхтой и вынужден был продать имение.

¹¹⁵ *Зимин А.А.* Состав Боярской думы в XV–XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 72, 79; *Богатырёв С.Н.* Ближняя дума в третьей четверти XVI в. Часть вторая (1560–1570) // Археографический ежегодник за 1993 год. М., 1995. С. 98–101; *Филошкин А.И.* История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998. С. 194–201.

¹¹⁶ *Strykowski M.* Op. cit. T. 2. S. 415–416.

В приход войска М.Ю. Радзивилла под Полоцк в сентябре–октябре 1564 г. на литовскую сторону перебежал Осьмой Михайлов Непейцын, вскоре после этого награждённый на Петрковском сейме¹¹⁷. Родичи Непейцына пережили опричнину и сохранили поместья в Бежецком Верхе и Владимирском уезде¹¹⁸.

В польско-литовской Руси король продолжал наделять новых слуг, показывая милость к своим новым подданным. Черкес кн. Гаврила Камбулатович Пятигорский получил в 1565 г. в Каменецкой волости двор Ельную с сёлами «на вечность» за военную службу «против люду непрятельскому з нелитованьем горъла и розлитьем крови». В правление Сигизмунда II и Стефана Батория он неоднократно выступал во главе своей роты «против князю великому московскому»¹¹⁹.

Опричнина и религиозные преследования в Москве вытолкнули около 1566 г. в Речь Посполитую первопечатника Ивана Фёдорова с сыном Иваном и Петра Мстиславца. В том же году Архив Королевской казны зафиксировал небольшие денежные раздачи московитам Солтану, Павлу, Семёну, Ивану и Иванку. Е.Л. Немировский предположил, что Иван и Иванко – это И. Фёдоров и его сын¹²⁰. Однако если Солтан – это Солтан Ушакович, выехавший двумя годами раньше, то нельзя исключать, что и все остальные получатели вознаграждения могли приехать на королевскую службу в 1563–1564 гг., что лишает почвы предположение о том, что Иван и Иванко – это Фёдоровы. Есть и другие странности. Во-первых, 2 золотых – сравнительно малая сумма, а Фёдоров, по его словам, был представлен литовской раде. Во-вторых, неясно, почему Фёдоровы получили вознаграждение, а Пётр Мстиславец – нет. Ранее я высказывал предположение о тождестве И. Фёдорова с И.С. Пересветовым¹²¹. Переезд Фёдорова на королевскую службу в таком случае должен был восприниматься как возвращение после долгих лет работы в Москве. Фёдоров до самой смерти пишет себя «москвитинном». Это не противоречит гипотезе о его предыдущем знакомстве с европейскими «странами незнаемыми», однако делает маловероятным получение им и его сыном средств из Казны наравне с обычными детьми боярскими.

Около 1565–1566 гг., но не позднее августа 1566 г. в Литве оказался сын боярский Ф.Ф. Бедрынский и его жена Василиса Григорьевна. Московское происхождение Василисы может быть установлено предположительно на основе её неустойчивого положения после смерти мужа. Чтобы сохранить часть его имений, вдове пришлось искать защиту у других московитов – и вряд ли случайно её выбор пал на сына Б.И. Бунака, Фёдора, которого она усыновила и сделала наследником имения мужа¹²².

В Великом княжестве Литовском перебежчиков и уже освоившихся выходцев из Московского царства ждали весьма выгодные условия интеграции. Литовский статут 1566 г. разрешал королю наделять иноземцев землёй как во временное пользование, так и на «вечность». По сути, он благоприятно сказывался на формировании в подвластных королю русских землях шляхты московского

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 390; AGAD. ASK. Dz. I. № 203. К. 71. Указание в реестре выплат на постановление Петрковского сейма заставляет отнести дату награждения ко времени не ранее 18 января 1565 г., когда сейм открыл работу: *Konopczyński W. Chronologia...* S. 14.

¹¹⁸ АСЗ. Т. 2. С. 371; Т. 3. С. 232–233; Т. 4. С. 178.

¹¹⁹ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 83, л. 75 об.–77, цит. с л. 75 об. и 76.

¹²⁰ *Немировский Е.Л. Начало славянского книгопечатания. М., 1971. С. 118.*

¹²¹ *Ерусалимский К.Ю. Греческая «вера», турецкая «правда», русское «царство»...: ещё раз об Иване Пересветове и его проекте реформ // Вестник РГГУ. 2011. № 7(69). С. 87–104.*

¹²² РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 83, л. 91 об.–92.

происхождения. Однако в том же году Бельский вальный сейм принял ограничение, согласно которому наделение землёй должно было происходить только с его согласия¹²³. Этот конфликт так и не был разрешён, обозначив одну из болевых точек в противостоянии короля и шляхты.

Сдвинулся с места и вопрос о пленных. В августе 1566 г. Сигизмунд II Август одобрил размен одного на одного. В Москву после пятилетнего заключения должен был вернуться кн. С. Белозерский-Нороватый. Взамен литовский стольник, державца виленский М. Кухмистрович-Дорогостайский добился освобождения своего брата Петра. Обмен должен был состояться на московско-литовской границе, и специальным «листом» король оповещал о предстоящем обмене старосту пограничного Бельского староства Ю.А. Ходкевича. Однако в Москве было решено отдать за Нороватого не П. Кухмистровича, а кн. Б. Лукомского. Король принял предложение¹²⁴.

Подводя итоги, отметим, как именно Литовская война 1562–1566 гг. отразилась на внутренней политике Российского государства. Первые внесудебные расправы, суды над воеводами и смена ближайшего окружения царя Ивана в 1560–1562 гг. показали, что в русском обществе существовало недовольство курсом на войну против Великого княжества Литовского. Круг официально обвинённых представителей Боярской думы состоит, главным образом, из «литовской» элиты, которую Иван IV шантажировал обвинениями в заговоре, временными опалами и крестоцеловальными обязательствами. На этом фоне антипольские и антилитовские настроения подогревались непосредственно в окружении царя, закладывая основы для мобилизационной ксенофобии. Плен открыл её особую грань: шляхтичей разослали по тюрьмам, элиту держали под присмотром в боярских дворах, заставляя работать, но допуская вплоть до 1566 г. переписку с родными за границей, свидания, проведение легитимных правовых собраний и оформление сделок. Заседания московской комиссии полоцкой шляхты под присмотром царской администрации и даже при участии московских чиновников, по всей видимости, отвечали проекту частичной реконструкции полоцких шляхетских учреждений в случае компромисса между царём и пленными.

Массовые раздачи полоцких земель московским детям боярским начались уже после московских переговоров с литовским посольством, где полоцкие заложники предстали перед литвинами только как тюремные заключенные. В то же время косвенно общение будущих земских руководителей с пленными могло наращивать в царе подозрительность и приводить к бурным сценам между ним и боярами — свидетелем одной из них стал Я. Глебович. Пленники воспринимались как возможные агенты, и царь не оставлял надежды, что сможет вербовать из их рядов своих тайных сторонников в Великом княжестве Литовском. Это не могло не сказаться на восприятии пленных московитов, численность которых после Ульской битвы выросла, а родители многих из них занимали в Москве видные позиции.

Первые поражения московских войск и всё громче звучащие при дворе Ивана Грозного обвинения воевод в измене требуют особого внимания в связи с введением опричнины. Как уже отмечалось, само значение этого слова тесно связано с представлениями о вдовстве и сиротстве. Сегодня, когда известны многие

---

¹²³ Dąbkowski P. Stanowisko cudzoziemców w prawie litewskim w drugiej połowie XV i w XVI w. (1447–1588). Lwów, 1912. S. 52–61.

¹²⁴ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 47, л. 49 об.–50, 92–92 об.; кн. 267, л. 70.

имена представителей государева двора и детей боярских, погибших и эмигрировавших в 1561–1564 гг., причины введения опричнины невозможно обсуждать в отрыве от земельной и финансовой политики, направленной на сглаживание последствий удара войны по московскому служилому классу. С её началом именно высшее боярство попало под волну подозрений. На них — двор удельного князя Владимира, брата царя Ивана, и боярскую верхушку из рода князей Гедиминовичей — пришлось подозрения в неверности и крестоцеловальные церемонии, связавшие государев двор круговой порукой. Важнейшим обязательством для всех названных лиц стало несодействие врагу. Нормы 61-й статьи Судебника, санкционирующей смертную казнь для «градских здавцев» и «крамольников», было отныне недостаточно. Царь возвращался к давно забытой политике прямых личных обязательств, получившей позднее развитие в клятве опричников и вызвавшей осуждение в сочинениях Курбского. На смену истинным друзьям царя, по его мнению, пришли «презлые ласкатели... паче же шурья его и другие с ними нечестивые губители всего тамошнего царства»¹²⁵.

Высшее военное командование — бояре, окольные и небоярская военная элита — подпало под особый контроль со стороны царя и его нового окружения. Именно в этих слоях московского общества следует искать злополучных «сильных во Израили», воевод-страдальцев от гнева и ненависти царя. Князь Андрей хорошо понимал, что они в Москве ниже по статусу, чем цари, великие князья, удельные князья и верхушка боярства, к которой он сам себя ни в коей мере не относил. Расположение рассказа о смерти князя Владимира Старицкого и его родичей в одном ряду с прочими князьями в «Истории», завершённой как целое Курбским уже в Речи Посполитой, отражает самосознание автора в польско-литовском социуме. Возмущение князя, выразившееся в намёках Первого послания, вызвали бессудные убийства воевод из того класса, к которому он сам себя относил, — в первую очередь таких, как князья М.П. Репнин, Ю.И. Кашин, Д.Ф. Овчинин. Они были убиты без очного суда, но, как мог быть уверен Курбский, по указу или с тайного согласия царя. Первые же опричные казни после возвращения царя Ивана в январе 1565 г. из Александровской слободы были демонстративной расправой, жертвами пали, в частности, клан князей Горбатовых-Шуйских — Головиных-Третьяковых, ближние родичи тайно убитых за год до того князей Ю. Кашина и Д. Овчинина — князья И.И. Сухово-Кашин и Д.Ф. Шевырёв. Их родичей князей Д.И. Немого и И.А. Куракина постригли в монахи.

Если обратиться к первым опричникам 1565–1566 гг., то в их рядах не обнаруживается ни одного представителя из родов высшего разрядного командования первых лет Литовской войны. Как показывают поныне не утратившие научного значения наблюдения В.Б. Кобрин, впервые в опричнине фамилии воевод-«изменников» упомянуты: Ф.М. Денисьев-Булгаков — не ранее июля 1566 г., П.И. Кашкаров — в сентябре 1567 г., В.И. Умного-Колычев — в сентябре 1567 г., кн. И.П. Охлябинин — в сентябре 1567 г., З.И. Очин-Плещеев — не ранее июля 1566 г., кн. В.И. Темкин-Ростовский — не ранее июня 1567 г.¹²⁶

¹²⁵ Курбский А.М. Указ. соч. С. 118.

¹²⁶ Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 39, 44, 46, 57, 82; Зимин А.А. Опричнина. С. 98. Басмановы-Плещеевы, видимо, не пострадали от опал и подозрений в адрес Очиных-Плещеевых, а наоборот, могли усилиться за счёт близости к царю. А.А. Зимин отмечал, что Очин-Плещеев и кн. Охлябинин могли войти в опричнину сразу после Земского собора 1566 г.

Эмигранты, выехавшие из России за годы до опричнины, также не были забыты. После суда над Избранной радой, падения Тарваста и Стародубского «дела» поиск родичей «изменников» не мог провести наветчиков мимо грозной ремарки «бежал в Литву». В.С. Заболоцкий, свободно выехавший из страны в середине 1550-х гг., в эпоху опричнины начал упоминаться как видный «государев изменник», а ряд его родичей значился в синодике опальных. Испомещённые во владениях короля в 1558 г. Б.И. Шишкин и Т.Т. Цвилленев – по-видимому, близкие родичи репрессированных Шишкиных-Ольговых и подследственного по «господарьскому делу» Прокоши Цвилленева. Сохранившиеся источники не позволяют сказать, как именно отразились королевские службы С. Шарапова и О. Ушакова на их московских родичах, однако показательно, что ещё один представитель рода Ушаковых (Никон) бежал во время опричнины в Швецию¹²⁷.

Террор уничтожил «всеродне» родственников «стрелецких голов»-эмигрантов Тетериных и Сарыхозиных. Полностью истреблены были князья Горбатые, Курбские и Горенские. В опричнину никогда, очевидно, не входили воеводы, обвинённые в неудачах 1561–1564 гг., – Морозовы и Шереметевы, кн. Воротынские и Оболенские (Горенские, Кашины, Овчинины, Репнины, Серебряные), а также Палецкие и Гундоровы. Наоборот, все видные «изменные воеводы» кануна опричнины и их ближние родичи оказались в земщине и земской думе (кн. И.Д. Бельский, кн. М.И. Воротынский, до побега и казни – кн. П.И. Горенский, кн. А.Д. и В.Д. Палецкие, кн. В.С. и П.С. Серебряные, возможные участники Ульской битвы Василий и Семён Колычевы). В рядах служилой «мелкоты» и выходцев из известных, но захудалых родов список Дубровского и реестры Королевской казны открывают также ряд имён, мелькнувших в опричнине. Однако все известные ныне опричные назначения из данных фамилий также более поздние: Р.В. Алферьев-Нашокин – в сентябре 1567 г., М.С. Воейков – не ранее 1566 г., А.Д. Гвоздев-Заборовский впервые в опричнине упомянут не ранее июля 1566 г.

При этом возможный участник Ульской битвы кн. С.Г. Гундоров и его родич кн. Д.В. Гундоров, родич Ивана Коробова В.В. Коробов, ещё один воин Улы Василий Молвянинов, родич Чулковых И.И. Чулков и родич Фетения Чихачёва М. Чихачёв – все они вошли в 1565–1566 гг. в земскую элиту¹²⁸. Никто из ближних родственников воинов Чашницкой битвы в опричнине не отмечен. Тот же вывод уместен применительно к именам московитов Варшавского и Петрковских реестров марта–апреля 1564 г. и начала 1565 г. Ни один представитель родов воинов, перешедших на королевскую службу, не вошёл в опричнину (по крайней мере, в 1565 г.). В то же время в их рядах видные выходцы из тех родов, которые оказались в земщине и от опричнины пострадали (Булгаковы, Вельяминовы, Заболоцкие, Колычевы, Лодыгины, Нашокины, Остафьевы). Расположение их основных родовых владений накладывается на карту первых же опричных конфискаций – это Великий Новгород, Костромской, Можайский, Тверской уезды.

Опричнина была связана с потрясениями Русско-Литовской войны и первыми тяжёлыми поражениями царских войск. Это была репрессивная мера, направленная в момент её проведения против родов служилых людей, запятанных поражениями в войне, ошибками командования, медлительностью в военной службе, нежеланием воевать. По самому смыслу наименования

¹²⁷ *Зимин А.А.* Опричнина. С. 84.

¹²⁸ *Кобрин В.В.* Указ. соч. С. 31, 40, 54, 121–126.

опричина была призвана обеспечить землёй и средствами к существованию дворянских вдов и недорослей, осиротевших из-за гибели кормильца. На практике, в отличие от Великого княжества Литовского, ответственность за такие вдовьи наделы детей боярских перехватила высшая государственная власть. Одним из важнейших требований служилых людей после Казанской войны 1552 г. было обеспечение вдов погибших воинов. Максим Грек, по словам кн. А.М. Курбского, призывал тогда Ивана IV не ездить по монастырям, исполняя неразумные молитвенные обеты: «Егда доставал еси так прегордаго и силнаго бусурманского царства, тогда и воинства христианского храбраго тамо немало от поганов падоша, яже брашася с ними крепче по Бозе за православию. И тех избивенных жены и дети осиротели и матери обещадали, во слезах многих и в скорбех пребывают»¹²⁹. По свидетельству Курбского, царь Иван не прислушался ни к советникам, ни к учёному старцу. В отличие от событий осени 1552 – весны 1553 г. в 1564 г. погибшие «христианские воины» не заслужили общецерковного поминания, а об их жёнах и детях известно крайне мало.

Общая для современных европейских государств правовая модель лишала жену и других домочадцев дворянина права распоряжения имуществом, однако наделяла вдову правами на мужнюю собственность, почти равными мужским¹³⁰. «Вдовья доля» (по-русски – опричина) попадала под контроль хозяйки. Эта доля ограничивалась «веном» (брачным даром со стороны мужа), когда владение умершего мужа переходило в собственность законных наследников, или одной третьей имения, если «вено» не было выделено, а сын вдовы вступал в права. В широком смысле «вдовым стольцом» считался весь надел шляхтича, если после его смерти вдова не постриглась в монахини, не вышла снова замуж, не отдала имения под опеку, и если не вступил в права законный наследник. В последнем случае Литовский Статут 1529 г. устанавливал право на опеку в последовательности: совершеннолетний сын, вдова, затем – братья мужа (дядья по «мечу»), братья жены (дядья «по кудели»), все остальные родственники или посторонний «добрый человек» – в последнем случае по решению господаря или панов-рады¹³¹. С небольшими уточнениями эта норма сохранилась ко времени принятия Статута 1566 г. Опекуны гарантировали сохранность надела к моменту поступления мужских наследников на военную службу и выдачи дочерей вдовы замуж. Литовский статут минимизировал роль высшей власти в распределении имущества погибшего шляхтича, ограничивая её условиями возвращения выморочного надела в казну и правом господаря конфисковать имущество установленных по суду соучастников государственной измены.

Казня «изменников», царь Иван создавал фонд земель и имущества («животы... имал на себя»), с которых должны были кормиться верные слуги, и навёл ужас на приказных, детей боярских и воевод, чьи владения за военные и административные проступки отныне неумолимо подлежали конфискации. Репрессивная составляющая чрезвычайной земельной реформы в Литве не столь заметна, поскольку исчерпывалась нормами Литовского Статута. Случаи

¹²⁹ Курбский А.М. Указ. соч. С. 66.

¹³⁰ Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. М., 2002. С. 74–75; см. также: Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X–XIX в.). М., 1997; Старченко Н. Шлюбна стратегія вдов і кілька проблем навколо неї (шляхетська Волинь кінця XVI ст.) // Київська старовина. 2000. № 6(336). С. 58–74; 2001. № 1(337). С. 42–62; № 4. С. 20–42.

¹³¹ Первый Литовский Статут. Тексты на старобелорусском, латинском и старопольском языках. Т. 2. Ч. 1. Вильнюс, 1991. С. 122–157.

конфискации имущества постановлением господарских и сеймовых судов по обвинению в государственной измене и передачи недвижимости новому собственнику распространялись и на новоприбывших эмигрантов – «сынов боярских», в том числе в тех случаях, когда они совершали побег, чтобы вернуться в Московское государство. Однако сами возможности обвинения в государственной измене были в литовском праве прописаны. В московском праве они были по Судебнику 1550 г. оставлены на волю господара, поэтому и само понятие «измены» могло толковаться расширительно и действовать в чрезвычайном режиме сколь угодно широко. Его ограничивало право обвиняемого на церковное «печалование», упразднённое или минимизированное по воле царя после смерти митрополита Макария в конце 1563 г.

Как известно, на Петровском сейме в ноябре 1562 – марте 1563 г. шляхта выступила с категоричным требованием «экзекуции прав», т.е. прежде всего люстрации королевских имений. Её лидер М. Сеницкий доказывал, что необходимо лишить магнатов права владеть королевскими имениями и требовал передать их под контроль «всего шляхетского народа». Польскому дворянству удалось добиться ограничения доходов сенаторов с королевских имений одной пятой. Основные доходы поступали в казну, и из них король обязан был содержать несколько тысяч экстраординарного войска («wojsko kwarciane»). Таким образом, в Короне в первый год Московской войны было создано профессиональное войско, которое содержалось благодаря оттеснению магнатории от доходов с королевских владений. Впрочем, делегация от Великого княжества Литовского на Варшавском сейме ноября 1563 – марта 1564 г. отказалась принимать условия унии с Коронай и не приняла программу экзекуционистов, поддерживая образ литовской магнатской тирании в противостоянии польской шляхетской демократии. Однако в смягченной форме перемены коснулись и Литвы. Пример чрезвычайной земельной политики, также в тесной связи с Московской войной, подал Виленский сейм 1563 г. Постановления, облегчающие полоцким шляхтичам несение военных повинностей, перекладывали на литовское руководство и на боеспособную шляхту тяготы хозяйства пострадавших шляхетских семей.

Была ли опричная реформа в Российском царстве в 1564–1565 гг. аналогом польской и литовской? Сохранившиеся данные о земельной политике в годы опричнины говорят о резком повышении числа чрезвычайных распоряжений – продаж недвижимости, монастырских вкладов, пожизненных и позволяющих наследникам вкладчика впоследствии выкупить надел. Вдовам удавалось укрыть вотчины мужей от поместной раздачи, даже когда эти владения входили в опричнину или двор государя. Только прямое обвинение в измене, опала и полная конфискация имущества, включая документы на имения и деньги, полученные от перепродажи, позволяли государству нарушить права наследников. Хорошо изучены примеры распоряжений вдов из родов, пострадавших от Ульской битвы. Несомненно, среди них были те, кто стремился спасти имение кормильца, заложив его монастырю с правом выкупа (вдова И.И. Вельяминова – в костромской Ипатьев монастырь, вдова кн. С. Гундорова – в суздальский Спасо-Евфимьев)¹³². Последующие расследования, иногда

---

¹³² Зимин А.А. Опричнина. С. 203; Юрганов А.Л. О стародубском «уделе» М.И. Воротынского и стародубских вотчинах в завещании Ивана Грозного // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992. С. 67–68.

много лет спустя после формальной отмены опричнины в 1572 г., показывали, что юридические основания этих распоряжений были шаткими.

Принцип рекрутирования и содержания опричников типологически не отличается от польского регулярного наёмного войска. В Российском царстве акцент в мобилизационной земельной политике был сделан на репрессивном перераспределении земель внутренних «изменников» и других опальных, а также вдов и жён пленных государевых холопов и эмигрантов. Перераспределение позволяло подавить антивоенные настроения, дезертирство и всё, что могло быть воспринято как симпатии к внешнему врагу или уклонение от службы, внеправовым и внесловным контролем — крестоцеловальными грамотами, доносами, конфискациями по подозрениям в попытке государственного переворота, родовой и коллективной ответственностью, индивидуальными обменами вотчин на поместья и массовыми депортациями. Опричники выполняли функции тайной полиции, получив особые полномочия по выявлению государственных преступлений и расследованию «слова и дела государевых». Возможно, устрашающие реформы в Москве возымели действие, и некоторое время чрезвычайный режим контроля исправно работал на сдерживание саботажа, дезертирства и эмиграционных настроений. Однако он дал сбой уже в первый год существования опричнины, потребовал новых компромиссов трона с земскими служилыми людьми и верхушкой посада, значительным числом гололов выступавших против войны в ходе Земского собора в июне—июле 1566 г., а также после него.

Подозрения царя и его нового окружения в адрес Боярской думы углубились после поражения войска кн. П.И. Шуйского на р. Уле. Литовский «фактор» вырос из мобилизационной ксенофобии в инструмент политических манипуляций, которым царь распоряжался по своему усмотрению. В этом смысле опричнина не была институтом политической централизации и не несла с собой никаких новых социально-экономических отношений. У истоков опричнины, как я пытался показать выше, было недовольство царя военными неудачами и поиск ответственных за гибель, пленение и эмиграцию сотен служилых людей после первых столкновений с Великим княжеством Литовским. Гонения против знати после Земского собора, расследование «ссылки» бояр с панами-радой и «дело» И.П. Козлова, «дело» И.П. Фёдорова, казни Владимира Старицкого, его матери, жены, двора и окружения, поход в Новгород и Псков, конфискации имущества королевских купцов, убийства пленных поляков, литвинов и немцев, казни на Поганой Луже в Москве объединяет, помимо всего прочего, то, что они были направлены против Литвы и литовских симпатий. Причём независимо от того, насколько и в каких целях литовский «фактор» был сфабрикован, обвинения в измене в пользу польского короля, убийства поляков и литвинов, казни лиц, причастных к дипломатии, говорят о том, что в Москве накалялись страсти против западного соседа. На всём протяжении существования опричнины в посольских наказах представителям царя в Короне Польской и Великом княжестве Литовском предписывалось отговариваться и заявлять о том, что никакой опричнины царь не вводил, а ложные слухи, распространяемые эмигрантами, сеют вражду между государями. Опричнина была, таким образом, секретной мобилизационной политикой, выражением и формой нетерпимости по отношению к внешнему врагу, к его подозреваемым сообщникам внутри Российского государства и реакцией российской власти на первые крупные поражения.